

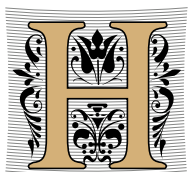

Исторический вестник. 2022. Т. XLI

DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.001

Н.Н. Петрухинцев

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО КАК ЧАСТЬ «ВОСТОЧНОГО ПРОЕКТА» ПЕТРА I И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1698 г.*

Несмотря на обширнейшую литературу о Великом посольстве¹ трактовки его целей и задач до сих пор остаются не вполне ясными.

Основной причиной этого является восприятие Петра I как изначально и до конца «европейски ориентированного» государя, предпринявшего масштабное путешествие едва ли не исключительно с любознательной целью знакомства с Европой и «ученичества у нее» — как своего рода «очарованного странника», вернувшегося из Великого посольства еще более «очарованным Европой», что запустило на полную мощь механизм «европеизации» и «модернизации» России и привело к резкой интенсификации первой стадии Петровских реформ, пришедшейся приблизительно на 1696–1707 гг.²

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42048

¹ Обзор основных точек зрения и литературы о посольстве в конечном счете вылился в солидную монографию Д.Ю. и И.Д. Гузевичей, содержащую обширнейшую библиографию работ по истории Великого посольства: Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Великое посольство: рубеж эпох, или Начало пути, 1697–1698. СПб, 2008.

² Автор отдает себе отчет, что эти хронологические границы дискуссионны, можно спорить как о начальной, так и о конечной дате этого первого этапа реформ.

Петр I. Гравюра Т. Валена по оригиналу Т. Кнеллера. После 1697г.

Логическим следствием этого стереотипного взгляда являются: 1) представления о Великом посольстве как своего рода вызванном любопытством затянувшемся «туристическом турне» по Европе; 2) довольно распространенное мнение о быстрой переориентации Петра на «европейский» театр международной политики в ходе посольства; 3) недооценка связи Великого посольства с внешнеполитическим курсом России последней четверти XVII в. и с Русско-турецкой войной 1686–1700 гг.; 4) недооценка внутренней драматургии и кризисных аспектов Великого посольства, степени его психологического влияния на молодого Петра, на формирование его как личности и как государственного деятеля.

Общие (а также первое) направления в трактовке Великого посольства были во многом сформированы современниками и даже прямыми участниками событий. Последние оценивали (в том числе и с русской стороны, как П.П. Шафиров) почти два десятилетия спустя прежде всего его «долговременные» результаты: «...Петр Первый побужден острым и от природы просвещенным своим разумом и новожелательством видеть Европейские политизованные (обученные) Государства, которых ни он, ни предки его ради необыкновения в том по прежним обычаям не видали, дабы при том, получа искусство очевидное, по том по прикладу оных, свои пространные Государства, как в политических, так и в воинских и протчих поведениях учредить мог...»³. Преувеличенная концен-

³ Шафиров П.П. Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 г. имел. М., 2008. С. 33.

трация внимания на нанесенной лично русскому государю «рижской обиде» и на якобы изначальной враждебности Швеции к нему, проявленной уже в 1697–1698 гг., использованные П.П. Шафировым в том же «Рассуждении...» для пропагандистского обоснования «новых причин» к началу Русско-шведской войны⁴, стали одним из источников второго подхода в трактовке — убеждения в быстрой переориентации Петра с «восточного» на северное «европейское» направление в ходе посольства, которое в советской историографии было наиболее рельефно выражено В.Е. Возгриным⁵.

Однако ретроспективные оценки (даже оценки современников), данные исходя из не всегда соответствующих планируемым обозначившихся на практике реальных результатов исторического процесса, к тому же основанные на существенно изменившемся за эти два десятилетия представлении о месте и роли России и ее царя в мировой политике, далеко не всегда объективно отражают действительный ход событий и оставляют «в тени» целый ряд не слишком удачных его этапов, о которых их участники предпочли бы забыть.

Одним из ближайших следствий этого стала прочно укоренившаяся историографическая традиция к осязательному искажению целей Великого посольства и явная недооценка его «восточных» аспектов, а также игнорирование того факта, что Великое посольство, по сути, являлось частью «восточного проекта» Петра I.

* * *

«Восточный проект» Петра I (1695–1712 гг.) — сложный и долговременный комплекс внешне- и внутривосточных мероприятий, оказавший огромное влияние на начальный этап петровских реформ и пока существенно недооцененный в историографии. Об отдельных его аспектах автору приходилось писать ранее⁶, а более детальному его анализу, надеемся, будет посвящена отдельная статья.

⁴ Там же. С. 33–39.

⁵ Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986.

⁶ Петрухинцев Н.Н. Два флота Петра I: технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 117–128; Petrukhintsev N.N. The Baltic Strategy of Peter the Great // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16 bis 20. Jahrhundert) / Quellen und Studien zur Baltischen Geschichte. Band 22 / Böhlau Verlag. Wien — Köln-Weimar. 2012. S. 169–189.

Великий царь Московский. Гравюра Р. Уайта. 1698 г.

При характеристике эпохи Петра Великого слишком часто проводится резкая грань между XVII и XVIII вв., подчеркивающая роль Петра как абсолютного новатора, коренным образом порывающего с традицией предшествующего развития России. Грань эта, к сожалению, мешает восприятию преемственности с предшествующим периодом в оценке многих важных аспектов его внешне- и внутривосточного курса, искусственно разрывая живую «связь времен». Поэтому так важен анализ «восточного проекта» Петра I, являющегося связующим звеном между веками и эпохами.

Оценивая деятельность и планы Петра, не следует забывать, что он рос и формировался в атмосфере сложившегося в последней трети XVII в. внешнеполитического курса России, нацеленного на упрочение влияния на Украине и на дальнейшее продвижение на юг, что привело к столкновению с могущественной тогда Турцией, вылившемуся в две масштабные Русско-турецкие войны 1672–1681 и 1686–1700 гг. Детство Петра пришлось на годы первого военного конфликта, а юность — на начало второго: он рос в обстановке разговоров и слухов о войне, мог видеть торжественные церемонии выступления войск в походы. Детские «потешные» военные игры Петра I, красочно охарактеризованные М.М. Богословским⁷, объяснялись отнюдь не какими-то особыми

⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. I. М., 1940. С. 19–20, 32–33, 56–62.

ранними «милитаристскими» наклонностями ребенка и не только традициями «военного» воспитания, издавна характерными для русских государей и военизированного русского дворянства в целом, но и той «военной» обстановкой, которая царила вокруг подрастающего царя.

Поэтому «восточный курс» России, нацеленный на дальнейшее продвижение на юг, разделяемый значительной частью русской элиты и почти буквально «впитанный с молоком матери», не мог не оказывать влияния на молодого царя. Он был одним из важных мотивов, которые в конечном счете привели в 1690-е гг. к активизации Русско-турецкой войны, ставшей мощным стимулом к постепенному оформлению «восточного проекта» Петра I. Влияние русско-турецкой войны 1686–1700 гг. — масштабного 13-летнего военного конфликта, одной из трех «больших войн» России второй половины XVII в. — на развитие страны и русского общества в полной мере начинает осознаваться лишь в последние десятилетия, когда благодаря новым исследованиям⁸ эта «неизвестная война» постепенно начинает выходить «из тени».

С «петровской» фазой Русско-турецкой войны 1686–1700 гг. оказались связаны две начальные стадии планирования и реализации «восточного проекта» Петра I, фактически ставшего логическим продолжением предшествующего внешнеполитического курса России. Петр вступил в свой «восточный проект» и с традиционными средствами — с модернизированной в ходе военных реформ его отца, Алексея Михайловича, полумилиционной «гибридной» (сочетающей европеизированные начала с основами поместной военной организации) сухопутной армией⁹, вынесшей на себе основную тяжесть Русско-польской и двух

⁸ *Stevens Carol Belkin. Soldiers on the Steppe. Northern Illinois University Press. DeKalb. 1995; Stevens Carol Belkin. Russia's wars of emergence, 1460–1730. Harlow, 2007; Davies Brian L. Warfare, state and society on the Black Sea steppe, 1500–1700. London; New York, 2007. P. 175–187; Петрухинцев Н.Н. Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 г. СПб. 2019. С. 131–154; Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 // Российская история. 2020. № 6. С. 30–49.*

⁹ Характеристика этой армии: Курбатов О.А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 175–197; Курбатов О.А. Роль служилых «немцев» в реорганизации русской конницы в середине XVII в. // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 18–34; Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единорог. Вып. 3. М., 2014. С. 90–136; Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006; Курбатов О.А. Военные ре-

Русско-турецких войн. Особенности этой армии ограничивали диапазон его возможностей.

Первая фаза «восточного проекта» Петра I (1695 г. — лето 1696 г.) была связана с возобновлением Русско-турецкой войны посредством активных операций сухопутной армии и не совсем справедливо ассоциирована исключительно с Азовскими походами Петра. К сожалению, операции этого этапа войны, требовавшие мобилизации всей военной структуры и огромной траты ресурсов страны, все еще нередко оцениваются как «младенческое играние» отнюдь не столь уж юного (23-24-летнего) Петра — как серия импровизаций, не имеющих определенного смысла и целей, что, конечно, далеко от действительности.

Уже на этом этапе, под влиянием негативного опыта начального периода войны (крымских походов В.В. Голицына 1687 и 1689 гг.) — и, возможно, даже не сразу до конца вполне осознанно — была выработана новая, более эффективная стратегия ведения войны. Она заключалась в отказе от «лобового» похода на Крым и в установлении силами сухопутной армии контроля над устьями крупнейших рек европейской степной зоны (Днепра и Дона). Контроль этот не только открывал выход к морям (Черному и Азовскому), но и позволял пресечь (или по крайней мере существенно ограничить) турецко-татарские коммуникации и возможности перебросить силы крымских, кубанских и ногайских татар за Днепр на центрально-европейский театр военных действий, а силы турок из Европы и правобережной Буджакской орды — на левобережье Днепра. Тем самым могла быть достигнута изоляция «взятого в клещи» Крыма, которая могла облегчить последующее овладение им¹⁰. Захват днепровских городков Б.П. Шереметевым (1695 г.) и взятие Азова (1696 г.) армией, в которой находился сам Петр, частично реализовали эти цели. Петр в грамоте от 11 июля 1696 г. венецианскому дожу Сильвестру Валерио, написанной еще до капитуляции Азова, констатировал, что уже военные операции 1695 г. «...врата и *свободной путь на Чорное море, Доном и Днепром, войска нашим отворили...*»¹¹ [здесь и далее курсив и выделения шрифтом мои — Н.П.].

формы в России второй половины XVII в. Конница. М.: Квадрига. 2017; Великанов В.С. К вопросу об организации и численности вооруженных сил Российского государства в 1699 г. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды четвертой Международной научно-практической конференции. Сб. ст. СПб, 2013. Ч. I. С. 335–350.

¹⁰ Подробнее: Петрухинцев Н.Н. Восточный вектор... С. 142–144.

¹¹ Письма и бумаги Петра Великого (далее — ПБПВ). Т. 1. СПб, 1887. С. 82.

Но и эта новая стратегия (реализованная только почти столетие спустя в ходе «екатерининской» Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и приведшая в 1775 г. к установлению контроля над Крымом, а затем и к прямому включению полуострова в 1783 г. в состав России) на практике столкнулась с огромными трудностями.

Во-первых, она привела к дроблению сил — Россия теперь должна была действовать двумя мощными военными группировками («днепровской» и «донской» армиями), что заставляло мобилизовать почти все основные ресурсы сложившейся военной структуры, периодически перераспределяя их между двумя театрами.

Во-вторых, полный контроль над устьем Днепра так и не был установлен (для этого следовало взять Очаков, что стало стратегической целью последующих походов «днепровских» армий¹²). И даже противодействие активным операциям не столь уж значительных турецких группировок, стремившихся прежде всего вернуть днепровские городки и выдернуть «днепровскую занозу» (объективно беспокоившую турок гораздо сильнее, чем взятый Петром Азов¹³), и сохранение городков за Россией требовали уже на этом этапе войны ежегодных походов как минимум 50–60-тысячных «днепровских» армий¹⁴ (почти эквивалентных по численности армии Карла XII времен похода на Россию). Походы эти мало чем отличались от «крымских походов» В.В. Голицына — это были длительные марши на почти столь же значительные расстояния¹⁵ по маловодной сухой степи, крайне тяжелые для «гибридной» военной структуры, каждый год мобилизуемой заново, все еще в значительной степени основанной на самоснабжении и все больше проявлявшей свою низкую эффективность на столь удаленных театрах с затягиванием войны.

В-третьих, уже фактически в момент взятия Азова Петр отчетливо осознал невысокую стратегическую ценность и установленного контроля

¹² Заруба В.Н. Украинское казачье войско в борьбе с турецко-татарской агрессией (последняя четверть XVII в.). Харьков, 1993. С. 123.

¹³ По словам графа Кинского в январе 1697 г. посланнику К. Нефимонову (Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). Т. VII. СПб, 1864, Ст. 1250).

¹⁴ Багро А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 87, 94–95; Богословский М.М. Петр Великий. Материалы... Т. I. С. 278–279; Дворцовые разряды. Т. IV. СПб, 1855. Ст. 957–959.

¹⁵ Как и Крымские походы, это были марши почти до Перекопа — Таванская переправа находилась всего в одном дне пути от Крыма (Багро А.В. Указ. соч. С. 56).

над устьями Дона: «Воистинну двух времен прошедших труды, крови и убытки все положены, понеже ниже татаром походы, ниже салтану тягости единым точию взятием сей крепости учинить возможно, потому что из оной пешим людем татар перенять и поиски чинить не возможно, а конницы толикое число, еже бы довольно было вышеписанному делу, там держать невозможно»¹⁶ (то есть формальное овладение устьями Дона не пресекло возможностей переброски сил крымских и кубанских татар на другие театры и не создало значительных проблем для самой Турции).

Осмысление итогов реализации первой стадии «восточного проекта» и понимание невысокой эффективности даже этой новой стратегии в войне привели ко второй фазе «восточного проекта» Петра, в которой с гораздо большей силой проявилась его самостоятельная воля, приведшая в сочетании с недостаточной опытностью в военном деле и во внешней политике к ряду естественных и достаточно серьезных ошибок.

* * *

Вторая фаза «восточного проекта» Петра (конец лета 1696 г. — начало весны 1699 г.) пришлась на время завершения Русско-турецкой войны.

Петр I вовсе не желал, чтобы «двух времен прошедших труды, крови и убытки [были] все положены» и чтобы первый его самостоятельный проект был омрачен бесславным концом зашедшей в тупик войны («егда ниже конницею, ниже пехотою неприятеля воевать и держать возможно ... тогда не точию о погибели ево розмышлять, но ниже желаемого мира получитьи можем»¹⁷). Подобный финал, как прекрасно понимал царь, мог вдобавок спровоцировать серьезный внутриполитический кризис, подобный «послевоенным» кризисам 1682 и 1689 гг. Поэтому Петр снова сменил стратегию войны: «Ничто же лучше мню быть, еже воевать морем, понеже зело близко есть и удобно многократ, паче нежели сухим путем»¹⁸.

¹⁶ ПБПВ. Т.1. С. 111–112; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М.: Мысль, 1988. С. 521.

¹⁷ ПБПВ. Т. 1. С. 112.

¹⁸ Там же. С. 113.

Таким образом, вероятно, еще в лагере под Азовом в июле — начале августа 1696 г.¹⁹ было принято решение о смене стратегии в войне и стали вырисовываться основные контуры второй стадии «восточного проекта» Петра, окончательно оформленной по возвращении армии из второго Азовского похода осенью — зимой 1696 г., начиная с решений Боярской думы 20 октября — 4 ноября 1696 г. со знаменитой фразой «морским судам быть»²⁰.

В это время (до конца ноября и до Рождества 1696 г.) обрисовались основные пункты стратегического плана Петра на два-три ближайших года войны, реализующего новую стратегию войны и эту фазу «восточного проекта» Петра.

Он предполагал в первую очередь: 1) ускоренное, своего рода «залповое» строительство морского «азовского» флота и последующие активные операции его кораблями на Черном море; 2) укрепление Азова и обеспечение его безопасности силами Большого полка А.С. Шеина в 1697 г. и строительство гавани для флота в его окрестностях в районе будущего Таганрога²¹; 3) упрочение позиций на Днепре в районе завоеванных днепровских городков²², которые должны были стать базой для реализации незавершенной задачи овладения устьем Днепра путем взятия Очакова силами «днепровских» армий

¹⁹ Первая грамота о присылке 13 корабельных мастеров к венецианскому дожу была послана от имени Петра уже 11 июля (ПБПВ. Т. 1. С. 83–84); вторая грамота с просьбой об этом к дожу и венецианскому Сенату была отправлена 7 августа 1696 г. одновременно с грамотой, извещающей о взятии Азова (ПДС. Т. VII. Ст. 1201–1202; ПБПВ. Т. 1. С. 108–109), а русский посланник в Вене К. Нефимов говорил о мастерах с венецианским послом Рудзини уже 26 августа, затем 11 и 23 сентября, 14 и 21 октября 1696 г. (ПДС. Т. VII. Ст. 1345), т.е. задолго до официального оформления решения о строительстве флота Боярской думой. Д.Ю. Гузевич предположил, что недошедшее до нас письмо Л.К. Нарышкину, на основе которого была оформлена грамота венецианскому дожу от 11 июля о найме мастеров (ПБПВ. Т. 1. С. 581), было отправлено Петром еще 23 июня с галеры «Принципиум», и решение о строительстве флота было принято еще раньше (Гузевич Д.Ю. Итальянские мастера и первый массовый найм специалистов в петровскую эпоху, 1696–1699 г. // Вестник истории естествознания и техники. 2012. № 4. С. 109).

²⁰ «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фартецыи от турок Азова» (ПБПВ. Т. 1. С. 111–113); Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. I. С. 357–360.

²¹ Указ 10 декабря 1696 г. о строении Таганрога и назначении к нему воеводой И.Е. Цыклера (Дворцовые разряды. Т. IV. Ст. 1023).

²² Указ 30 ноября 1696 г. об укреплении Казикермена и Тавани и назначении туда воеводой думного дворянина В.Б. Бухвостова (ПСЗ. Т. 3. № 1558; Дворцовые разряды. Т. IV. Ст. 1020–1021).

Я.Ф. Долгорукова в 1697–1698 гг.²³, в период отсутствия Петра в Великом посольстве.

Но главная роль теперь отводилась флоту, способному активно действовать на море против Турции.

Петр поставил задачу быстрого (к весне 1698 г., то есть в течение всего одного года) строительства достаточно мощного военно-морского флота первоначально из 58 судов и галер четырех различных рангов²⁴, что могло быть реализовано только путем «кумпанского» кораблестроения (т.е. возложения кораблестроительной повинности на население). Низкая реалистичность этого масштабного проекта строительства и последующего использования флота в воюющей стране, вероятно, была очевидна для части элиты и не могла не вызывать недовольства в ней.

Однако уже тот факт, что царю удалось провести через Думу решение о строительстве флота и добиться ее деятельного участия в его реализации, свидетельствовал об активной и самостоятельной роли Петра I в системе управления страной еще до отправления в Великое посольство. Несмотря на разногласия Петр, очевидно, был уверен в прочности своих позиций, в общей лояльности Думы, в контроле своих сторонников над ней — иначе не покинул бы воюющую страну на более чем годичный срок, возложив на думцев строительство флота и руководство продолжающимися масштабными военными операциями. Это удивляло европейских монархов — у бранденбургского курфюрста Фридриха III известие о том, что московский царь сам находится при посольстве, сначала «не встретило веры, и между прочим потому, что нельзя было предположить, чтоб царь при нынешних конъюнктурах и во время тяжелой войны с татарами уехал из своей земли и предпринял трудное путешествие»²⁵.

Таким образом, по возвращении из второго Азовского похода в голове Петра окончательно сложился амбициозный план форсированного продолжения Русско-турецкой войны масштабными операциями морского флота, который и стал основой второй фазы его «восточного проекта».

²³ Петрухинцев Н.Н., Никитина А.А. Последний натиск на степь в XVII столетии: военная кампания 1698 г. как финал «петровской войны» с Турцией // История: Факты и символы. 2020. № 4. 2020. С. 91–92.

²⁴ Шмурло Е.Ф. О военном флоте Петра I. Исторический архив. 1996. № 4. С. 4–7.

²⁵ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. II. М.; Л., 1941. С. 51.

Самому Петру, вдохновленному первыми опытами «потешного» кораблестроения на Плещеевом озере, в Преображенском и в Воронеже во время Азовских походов, поставленная им задача по строительству флота казалась вполне реальной. Но и он понимал ее объективные сложности: недостаток опыта, многих необходимых для флота материалов, полное отсутствие капитанов кораблей и даже обыкновенных матросов заставляли прибегнуть к традиционному для России XVII в. и неизбежному и необходимому в сложившейся ситуации средству — заказу материалов и найму иностранных специалистов за границей. При ограниченных средствах российского бюджета моряков, необходимых для боевого использования флота, намечаемого постройкой к весне 1698 г., надо было нанимать после окончания сезона плаваний поздней осенью — зимой 1697/98 г. преимущественно в Голландии. Там формировался самый широкий рынок подобных специалистов, и оттуда легче и дешевле всего было отправить их весной с караваном торговых кораблей на Архангельскую ярмарку или по Балтийскому морю в Нарву, чтобы они могли прибыть в Россию к лету 1698 г. и принять построенные суда, сформировав экипажи и обучив за оставшиеся полгода азам морского дела российских матросов.

Навыки капитанов кораблей за это время должны были приобрести представители «молодежной» части элиты — комнатные стольники Петра I, отправленные в страны Европы вовсе не для того, чтобы обеспечить лояльность остающихся и организующих строительство кораблей в «кумпанствах» их отцов — «консервативных бояр», а для обучения командованию кораблями и кораблевождению, выполняя попутно дипломатические поручения и оценивая ситуацию в странах — потенциальных союзниках в войне с Турцией. Об этом наглядно свидетельствует инструкция, написанная им: п. 2. *«Владеть судном как в бою, так и в простом шествии, и знать все снасти, к тому надлежащие...»*; п. 1. *«Знать чертежи или карты морские, компас, также и протчие признаки морские...»*; п. 3. *«Сколко возможно искать того, чтоб быть на море во время бою, а кому и не лучится, ино с прилежанием искать того, как в тое время поступить»*²⁶. Неслучайно число посылаемых стольников почти точно соответствовало первоначально

²⁶ ПБПВ. Т. 1. С. 117–118; 133–135; 150–153; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 58. Наглядное представление об их задачах дает опубликованный Т.А. Базаровой альбом петровского навигатора (Базарова Т.А., Копелев Д.Н. Альбом петровского навигатора. СПб, 2016).

планируемому (58) количеству кораблей: из 66 стольников, входивших в первоначальный список направляемых за границу, опубликованный Н.Г. Устряловым, намечалось отправить учиться непосредственно командованию кораблями в Италию — 39 чел., в Амстердам и Англию — 22 чел., т.е. в общей сложности 61 чел. (а точнее — 60, потому что входивший в их число бомбардир Иван Гумор (Гуморт, Гумерт) не принадлежал к стольникам); после выпадения из этого списка подвергшихся репрессиям накануне отправки посольства Ф.А. и В.А. Соковниных их число сократилось до 58²⁷. Характерно, что данные перед отъездом посольства мартовские «пункты» Лефорту, Головину и Возницыну²⁸, названные М.М. Богословским «настоящим действительным наказом» Великому посольству²⁹, предусматривали наем всего трех-четырёх капитанов кораблей, выросших исключительно из «матрозов»³⁰, что свидетельствовало о немного наивной надежде Петра на ускоренную подготовку капитанов из своих «волонтеров». Отряды этих «волонтеров» (даже тот, что был отправлен в Голландию и Англию, не говоря уже о «венецианском») действовали вполне самостоятельно, фактически независимо от собственно Великого посольства³¹, и отнюдь не находились за границей под непосредственным жестким контролем Петра, что опровергает версию об их «заложничестве».

Итак, флот даже по первоначальным планам Петра не мог быть готов к боевым действиям ранее лета — осени 1698 г.

Следовательно, ключевым звеном второй фазы «восточного проекта» Петра становился 1699 г.

Скорее всего, именно на этот год Петр планировал решающую кампанию войны, цели которой были амбициозны: овладение при помощи построенного флота окончательно «взятым в клещи» Крымом

²⁷ Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. II. С. 565. Остальные 6 стольников преимущественно входили в отряд волонтеров, находившихся непосредственно при Великом посольстве и при Петре и обучавшихся кораблестроению, а не кораблевождению.

²⁸ ПБПВ. Т. 1. С. 135–136.

²⁹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 10. Наказ этот явно недооценен А.Г. Гуськовым только на том основании, что он, по его мнению, известен лишь в единственном черновом экземпляре с правками (Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 110).

³⁰ ПБПВ. Т. 1. С. 135.

³¹ А потому, к сожалению, их деятельность (особенно «голландского») крайне плохо известна.

(или по меньшей мере Керчью, открывавшей доступ флота в Черное море, что тоже делало последующее завоевание Крыма лишь вопросом времени), а также выход русского флота на просторы Черного моря, который коренным образом менял место России в воюющей антитурецкой коалиции с «периферийного» на одно из центральных, резко увеличивая ее значение и вес в международной политике.

Не исключено, что в голове Петра с выходом флота на черноморские просторы связывались и более амбициозные надежды, подпитываемые легкомысленными советниками вроде «настоящего швейцарца по честности и храбрости и особенно по умению выпить»³² Ф. Лефорта. Они были озвучены Лефортом уже в самом начале путешествия во время недельного пребывания в Курляндии 14–20 апреля 1697 г. в беседе с курляндским бароном Бломбергом: *«Главная цель их путешествия — пригласить христианских государей продолжать войну против турок в надежде не менее, как на завоевание Константинополя»*³³. 27 июля 1697 г. в ответ на пожелания бранденбургской курфюрстины Софии-Шарлотты, *«...чтобы 75 строящихся кораблей выгнали Чалму из Константинополя»*, Петром «было сказано, что люди в этом ничего не могут, что это зависит от одного бога, у которого все волосы на наших головах сочтены»³⁴. В ставшем итогом пересказа ее бесед с Петром письме Лейбница 24 августа 1697 г. английскому епископу Бернету немецкий просветитель писал, что царь *«имеет намерение овладеть Черным морем»*³⁵. Косвенно те же мотивы звучат и в письме царя патриарху Адриану от 10 сентября 1697 г.: *«Мы... в городе Амстердаме ... трудимся, что чиним не от нужды, но ... ради приобретения морского пути, дабы, искусясь совершенно, могли, возвратясь, противѣ врагоѣ имени Иисуса Христа победителями, а христиан, тамо будущицхъ, свободителями благодатию Его быть, чего до последнего издыхания пожелаѣ»*³⁶. 5 октября 1697 г. Петр после получения письма А. Вейде с подробностями об австрийской победе при Центе столь же осторожно, как и в беседе с Софией-Шарлоттой, обнаруживал эти неясные надежды,

³² Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 39.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 120.

³⁵ Там же. С. 325.

³⁶ ПБПВ. Т. 1. С. 194. Хотя Петр и не упоминает здесь местоположение освобождаемых христиан, но фраза об обретении «морского пути» может косвенно свидетельствовать в пользу не Крыма, а, скорее, Константинополя.

передавая в письме А.А. Виниусу информацию Вейде о словах допрошенного австрийским генералитетом турецкого пашы, «...что де у них ныне есть такое пророчество, что в 1699 г. Царьгород взят будет от Рускихъ, о чем и преждъ сего слыхали, толко не отъ такихъ знатныхъ. В чемъ да будет воля господня, от которого победы происходят, и волею его высется и ни во что пременяются»³⁷. Таким образом, Петр здесь прямо связывал эти далеко идущие намерения с 1699 г.

Дата решающего этапа этой фазы «восточного проекта» — 1699 г. — зависела не только от времени готовности флота, но и от ее «дипломатической составляющей».

Отправленный в Вену еще до определения новой стратегии в войне после первого неудачного азовского похода в декабре 1695 г. посланник К. Нефимонов должен был избегать заключения долгосрочного военно-политического союза, ограничивая его двумя-тремя годами. Но Нефимонов после новых инструкций из Посольского приказа еще 7–14 ноября вел переговоры о семилетнем союзе или союзе с открытым сроком, не идя навстречу австрийцам, предлагавшим трехлетний союз. Даже на 9-й конференции 21 декабря 1696 г. он все еще настаивал на этом варианте, еще 26 декабря откладывая подписание союза с просьбой «пообождать» указа своего государя³⁸. Подготовленные, судя по всему, самим Петром, внимательно следившим за переговорами Нефимонова и регулярно знакомившимся в Преображенском с отчетами о них³⁹, «статьи» 8 декабря 1696 г., пересланные царем через А.А. Виниуса в Посольский приказ, напоминали посланнику о первоначальном наказе вести переговоры на условиях двух-трехлетнего союза («а буде с цесарской стороны заупрямятся и учнут просить болши трех лет, и ему по крайнему намерению учинить союз на 7 лет»). Автор статей выговаривал К. Нефимонову за замедление в подписании предложенного австрийской стороной трехлетнего союза, предписывая скорее заключить его («и он бы на три лета союз с цесарем и венетами постановлял, не описываясь и не отлагая болши того, и как скоро возможно соверша, ехал к Москве», ни в коем случае не перелагая дело заключения союзного договора на

³⁷ ПБПВ. Т. 1. С. 202. Само сообщение Вейде может свидетельствовать о том, что в узком кругу соратников Петра подобные перспективы обсуждались еще до отправления Великого посольства.

³⁸ ПДС. Т. VII. Ст. 1237–1238; 1241–1242.

³⁹ Там же. Ст. 1210, 1221, 1224, 1232, 1239, 1248, 1257, 1260.

отправляемое в Россию австрийское посольство, что могло затянуть переговоры⁴⁰).

Однако тем самым перед отъездом в Великое посольство Петр поставил свой проект в жесткий цейтнот: последним годом действия еще не подписанного, но уже почти оформленного союза становился 1699 г., что тоже диктовало проведение решающей военной кампании с участием флота именно в этом году.

Вместе с тем ее успех зависел от множества факторов (степени готовности флота к этому времени, решимости союзников продолжать войну, общей международной обстановки, внутренней ситуации в России, результатов военных кампаний 1697 и 1698 гг.), что делало перспективы кампании 1699 г. крайне зыбкими. Одной решающей кампании для успеха войны могло не хватить — этого, вероятно, не мог не сознавать и сам Петр, что ставило вопрос об активной и оперативной дипломатии в течение ближайших двух-трех лет с учетом меняющейся конъюнктуры, и даже о возможной пролонгации антитурецкого союза для реализации его «восточного проекта».

Таким образом, вторая фаза «восточного проекта» Петра, рассчитанная на реализацию новой стратегии в Русско-турецкой войне, становилась подогретым молодым честолюбием первым личным масштабным реформаторским проектом царя, в успехе которого Петр был кровно заинтересован. Петр начал вкладывать в него значительные ресурсы и средства и понимал, насколько он обременителен для страны в условиях продолжающейся масштабной войны, а также насколько его неуспех может повлиять на исход самой войны и на отношение населения к самому государю.

Неизбежная двухлетняя «пауза» до начала решающей активной кампании 1699 г. оставляла царю достаточно времени для мероприятий, обуславливающих, по его мнению, успешную реализацию проекта — для его 1) дипломатического обеспечения и 2) материального снабжения всем необходимым для завершения строительства и боевого использования «азово-черноморского» флота.

Все это предопределило отправление в Европу Великого посольства, ставшего органической составной частью второй фазы «восточного проекта» Петра I. Петра влекло в Европу не простое любопытство, а прозаичная и трезво-прагматичная цель — своим личным участием создать условия для реализации своего первого масштабного проекта и нового

⁴⁰ Там же. Ст. 1224–1225.

плана ведения Русско-турецкой войны и попутно ознакомиться с европейскими порядками, взглянуть на себя и свою страну со стороны, «чужими глазами» в ходе приобретения практического опыта европейской дипломатии непосредственно в сердце Европы. Еще одной целью была организация строительства и боевого использования собственного военно-морского флота, а также знакомство с технологиями, стратегией и тактикой, инфраструктурой, обеспечивающими военно-морской флот ведущих европейских держав. Вторая цель была одной из ключевых — неслучайно во главе посольства стали формальный глава флота со времен второго Азовского похода адмирал Франсуа Лефорт и отвечающий за его обеспечение флотский генерал-кригс-комиссар Федор Алексеевич Головин⁴¹.

* * *

Органическая связь Великого посольства и «восточного проекта» Петра I уже более столетия является очевидным фактом для любого внимательного исследователя этого периода биографии Петра, упорно игнорируемым «мэйнстримом» историографии в силу слепого убеждения в изначальном и безусловном «европеизме» государя-реформатора.

Она отмечена еще С.М. Соловьевым, и давно и определенно выражена прежде всего М.М. Богословским, которому принадлежит, пожалуй, лучший анализ истории Великого посольства⁴², и до сих пор непревзойденный по детальности и полноте охвата событий. Однако постоянное и настойчивое подчеркивание М.М. Богословским «восточных» целей Великого посольства⁴³ не всегда четко акцентировано им и тонет

⁴¹ Как «адмирал и генерал» и «генерал комиссар», «войска морского каравана комиссар генерал» они обозначены в списках похода: Рубан В.Г. Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову, взятие сего и Лютина города и торжественное отсюда с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных происшествий и с имянным списком бывших при том сухопутных и морских, великороссийских и малороссийских вышших и нижних военачальников числе всех войск и учиненным оным наград. СПб., 1773. С. 222, 213, 215, 85.

⁴² Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II.

⁴³ В Бранденбурге: «Как в сношениях с Бранденбургским курфюрстом по поводу заключения союза, так и в польских делах главное для Петра — это «священный союз» и война против турок. С этой точки зрения расценивает Петр международные отношения России». В Голландии: «Главной целью, к которой направлялась

в бесконечном множестве окружающих подобные высказывания конкретных деталей и фактов из его истории, а потому не до конца воспринимается читательским сознанием. Не менее отчетливо «восточная» направленность Великого посольства и его связь с Русско-турецкой войной была выражена в начале 1950-х гг. С.А. Фейгиной, а в последнее время почти параллельно — автором данной статьи и более обстоятельно — В.В. Дегоевым⁴⁴.

«Восточный проект» диктовал и первоначальный маршрут Великого посольства: готовясь к отправке в него, и еще не будучи уверен в успешности, и не зная результатов переговоров о военно-политическом союзе и вхождении в Священную лигу с посланником К. Нефимоновым, Петр планировал начать его с ключевой проблемы — с обеспечения антитурецкого союза на нужный срок переговорами с Австрией⁴⁵ и Венецией. На это было достаточно времени весной — летом 1697 г. до поездки в Голландию осенью, необходимой для решения проблем обеспечения материалами и кадрами строящегося азовского флота. Наказы посольству, готовившиеся в конце января 1697 г., предполагали именно такой сценарий событий.

Однако для следования в Австрию был выбран северный, а не прямой маршрут через Польшу — отношения с Польшей традиционно оставались сложными, и проезд Великого посольства через страну мог еще больше осложнить их; к тому же в России прекрасно знали

дипломатическая деятельность посольства, был союз европейских держав против «врагов креста Христова», т.е. против турок...»; *«Следует оставить легенду о том, что Петр в Голландии интересуется и занимается только кораблями и тем, что к ним ближайшим образом относится. ... Он всецело занят планом организации священного союза против турок, и эта организация — цель его внешней политики»* (Богословский М.М. Петр I. Материалы... С. 105–106, 165, 208), и подобные примеры можно множить и далее.

⁴⁴ Фейгина С.А. Азовские походы и внешняя политика 1695–1699 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Т. 7. М., 1954. С. 435–458; Петрухинцев Н.Н. Восточный вектор петровских преобразований и предпосылки реформы военных структур России // Петр I и Восток. Материалы XI Международного петровского конгресса. 1–2 июня 2018 г. СПб, 2019. С. 131–154; Дегоев В.В. Внешняя политика Петра I. Т. 1: Русское Великое посольство (1697–1698 гг.) М., 2019.

⁴⁵ Автор прекрасно понимает, что в данном случае речь идет не о современной Австрии в ее границах, а об ином государственном и геополитическом образовании — Австрийской империи Габсбургов, «Священной Римской империи германской нации», но для краткости использует понятия «Австрия» и «австрийский» вместо «цесарский» и «имперский».

о нестабильной ситуации в ней в период «бескоролевья», наличии враждебных к русской и австрийской стороне вооруженных «факций». Все это в итоге определило маршрут через Прибалтику. По нему в Вену шла «рижская» почта, доставившая К. Нефимонову петровские указы 8 декабря 1696 г. — ровно через месяц, на неделю раньше, чем «виленская»⁴⁶. Кроме того, «северный» маршрут открывал большие возможности для смены вариантов движения в ходе посольства.

Возможно, в январе 1697 г. Петр мог еще испытывать и некоторые колебания в оценке перспектив второй фазы своего «восточного проекта» (сильно зависевшего от сроков договора с Австрией и Венецией) и в случае неудачного исхода переговоров мог бы еще отказаться от реализации проекта, находившегося только на организационной стадии (кораблестроение, как и другие мероприятия, еще не было начато, шли лишь формирование «кумпанств» и опись лесов). Но Нефимонов, который 16 января 1697 г. на 10-й конференции, получив наконец указания Петра от 8 декабря и выполняя их, встретился с новыми сложностями со стороны союзников (хотевших было теперь заключить союз с открытым сроком, не связывая себя трехлетними обязательствами), все-таки сумел настоять на прежнем варианте⁴⁷. Царь перед отъездом уже 14 и 25 февраля знал о предварительном успехе в заключении трехлетнего союза, достигнутом 16 января⁴⁸. Это могло стать решающим толчком к отправлению Великого посольства — возможно, неслучайно окончательное оформление верительных грамот послов европейским государям, и их подписание произошло в основном именно 25 февраля⁴⁹, только по получении этих известий. 28 февраля Петр получил от Е.И. Украинцева сведения о заключении К. Нефимоновым подписанного 29 января 1697 г. трехлетнего союзного договора⁵⁰, и в целесообразности отправления Великого посольства уже не осталось сомнений.

Но первый тревожный «звонок» для «восточного проекта» царя в виде попытки союзников не связывать себя определенными сроками союза уже прозвучал, что, видимо, побуждало Петра сохранять первоначальное «австрийско-венецианское» направление маршрута в момент

⁴⁶ ПДС. Т. VII. Ст. 1253.

⁴⁷ Там же. Ст. 1254.

⁴⁸ Там же. Ст. 1254–1256, 1257, 1260.

⁴⁹ ПБПВ. Т. 1. № 135–139. С. 128–135.

⁵⁰ ПДС. Т. VII. Ст. 1264; отписка К. Нефимонова о заключении договора 29 января 1697 г. — там же. Ст. 1260–1264; сам договор — ПБПВ. Т. 1. № 134. С. 124–128.

отправления посольства 2–10 марта⁵¹ 1697 г. с вероятным намерением добиться упрочения союза в отношениях с его ключевыми участниками. Не исключено также, что Петр вначале хотел познакомиться с венецианским кораблестроением и с особенностями средиземноморского парусно-гребного (галерного) флота. Именно на него он делал основную ставку в первоначальной кораблестроительной «кумпанской» программе, вызывая из Венеции уже в июле 1696 г. из-под Азова 13 корабельных мастеров и направляя в Италию (т.е. главным образом в Венецию) по изначальному списку более двух третей (45 из 66, т.е. 68,2%) своих волонтеров⁵².

Однако уже на начальном этапе движения посольства по «северному» маршруту жизнь внесла в первоначальные планы свои коррективы.

Все более актуальной становилась «польская проблема», связанная с выборами польского короля. Она почти на два месяца (5 мая — 30 июня 1697 г.⁵³) заставила Петра задержаться в Восточной Пруссии (Кенигсберге и Пиллау, где не было ни кораблестроения, ни военноморского флота) и вступить в переговоры с бранденбургским курфюрстом Фридрихом III, приведенным в Кенигсберг той же польской проблемой⁵⁴. Именно общие интересы с Россией в «польском вопросе» заставляли Фридриха III оказывать столь длительное и затратное⁵⁵ гостеприимство Петру с Великим посольством.

Но «польская проблема» тоже расценивалась Петром преимущественно в контексте целей его «восточного проекта». Это отчетливо видно из содержания грамоты Петра, отправленной Польскому сейму из Пиллау 12 июня, полученной в Варшаве за два дня до выборов короля и, видимо, сыгравшей определенную роль в определении перевеса кандидатуры саксонского курфюрста Августа в выборах на польский престол 17 июня 1697 г. Как отмечал М.М. Богословский, Петр в ней решительно осуждает французскую партию в Польше, ибо она «ради своей корысти забывает, какой опасностью будет грозить избрание французского принца *союзу против общего неприятеля «креста святого», султана турецкого»*⁵⁶.

И хотя в ходе этих событий стали складываться первые отношения с возможными будущими потенциальными союзниками в войне со

⁵¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 13–14.

⁵² Подсчитано по: Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. II. С. 565.

⁵³ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 52, 102.

⁵⁴ Там же. С. 98–99.

⁵⁵ ПДС. Т. VIII. СПб., 1867. Ст. 847–849.

⁵⁶ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 99.

Петр I в костюме матроса в Саардаме. *Европейская гравюра конца XVIII в.*

Швецией, Петр, несмотря на уже четко обозначившееся еще в Курляндии недовольство «рижским приемом»⁵⁷ и активное давление со стороны Фридриха III, никак не шел на внесение в подписанный позднее в Пиллау 22 июня 1697 г. русско-прусский договор письменных обязательств о противодействии Швеции, ибо они могли увести его от решения «турецких» задач и осложнить отношения со Швецией. Он ограничился устным соглашением об этом, которое, отразившись первоначально лишь в статейном списке⁵⁸, с русской стороны даже во внутренних документах было четко письменно зафиксировано только после начала шведской войны, не ранее 1701 г.⁵⁹

Главной целью Петра было продолжение турецкой войны. И основные усилия в решении «польской проблемы» были направлены на то, чтобы не потерять польского союзника по антитурецкой коалиции⁶⁰, что могло стать началом развала Священной лиги и крушения «восточного проекта» Петра. Петр выехал из Пиллау не ранее получе-

⁵⁷ Там же. С. 39–40.

⁵⁸ ПДС. Т. VIII. Ст. 850–851.

⁵⁹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 94.

⁶⁰ «...желаем быти у вас на престоле ... королем, которой был бы с ... нашим Царским Величеством, и с Цесарским Величеством Римским и с Речью Посполитою Венейскою ... против общих неприятелей креста святого, салтана турецкого и хана крымского в совершенном и твердом союзе, какова народу ни есть, толко б не с противной стороны» (грамота 12 июня 1697 г. (ПДС. Т. VIII. Ст. 855)).

ния 23–28 июня 1697 г.⁶¹ сведений о неудаче французского кандидата на престол, расколе сейма и избрании Августа Саксонского, который интересовал его пока прежде всего как союзник в турецкой войне. Как отмечал С.М. Соловьев, после получения поздравительной грамоты Петра Август низко поклонился и объявил русскому резиденту А.В. Никитину, «что дает честное слово быть с царем *заодно против врагов креста святого*»⁶², однако положение его в Польше, где фактически разворачивалась открытая война между французской и саксонской партиями, все еще оставалось нестабильным. Это вынуждало усиливать военную группировку М.Г. Ромодановского у литовских границ и в начале осени начать перебрасывать на помощь Новгородскому разряду пять московских стрелецких полков из действующих на юге армий и еще остающихся в столице стрельцов⁶³, что во многом спровоцировало их бунт в следующем году.

Задержка, вызванная решением «польской проблемы», вынудила Великое посольство изменить планы. Путь от Амстердама до Вены, проделанный Великим посольством в следующем году, занял почти месяц (15 мая — 11 июня 1698 г.⁶⁴), не менее длительным стал бы и путь до Вены из Восточной Пруссии — таким образом, на путешествие в Австрию и Венецию (учитывая пребывание, церемониальную сторону и переговоры, а также возможное знакомство с кораблестроением последней) пришлось бы затратить минимум 3–4 месяца, а то и полгода. Между тем союз с Австрией и Венецией был уже заключен; Австрия разворачивала в 1697 г. активную военную кампанию и не проявляла явных намерений к выходу из войны, что пока не давало сомнений в прочности Священной лиги. Подходил к концу крупный общеевропейский конфликт — война Аугсбургской лиги (1688–1697 гг.) с Францией — и в окрестностях Гааги 29 апреля / 5 мая 1697 г. открывался Рисвикский конгресс, который собирал весь цвет европейской дипломатии и должен был вскоре во многом определить условиями мира ход дальнейших событий. И хотя Д.Ю. Гусевич вряд ли прав в том, что стремление Великого посольства стать пассивным наблюдателем завершающего этапа конгресса главным образом обусловило смену его

⁶¹ ПДС. Т. VIII. Ст. 874–876.

⁶² Соловьев С.М. История России... Кн. VII. С. 532.

⁶³ Первые указы о переброске стрельцов П. Гордон, под командой которого находились тогда два полка из этих пяти, получил 20 сентября 1697 г. (Гордон П. Дневник. 1696–1698. М., 2018. С. 108).

⁶⁴ ПБПВ. Т. 1. С. 727; Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 425, 456.

Великое посольство в Нидерландах. Гравюра И. Мушерна, П. Берге. Ок. 1697 г.

маршрута⁶⁵, концентрация ведущих европейских дипломатов вокруг конгресса позволяла активнее решать главные задачи Великого посольства. Молодой Петр I, все еще одержимый иллюзией европейского «общехристианского союза», мог надеяться на поддержку другими ведущими европейскими странами (в частности, Англией и Голландией) России в войне с Турцией с угасанием общеевропейской войны и с освобождением стран от ее бремени.

Однако царь уже в середине мая — начале июня вполне осознавал, что из-за «польской проблемы» вряд ли покинет Восточную Пруссию ранее выборов польского короля (т.е. второй половины — конца июня) и, следовательно, при «австрийско-венецианском» маршруте вряд ли попадет в Голландию ранее октября 1697 г., когда решать как дипломатическую, так и вторую по важности задачу найма персонала и закупок материалов для строящегося флота может стать слишком поздно. Возможно, накапливая в ходе путешествия по приморским прибалтийским странам информацию о европейских и турецком флотах, он осознал первостепенную важность корабельного (а не галерного парусно-гребного) флота и стремился сначала поспеть в Голландию хотя бы к концу активного кораблестроительного сезона, чтобы лично получить необходимый опыт строительства кораблей и подготовить из

⁶⁵ Гузевич Д.Ю. Дипломатическая цель Великого посольства // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 8–10.

своего собственного отряда волонтеров кадры отечественных кораблестроителей.

Вероятно, весь этот комплекс факторов привел к тому, что уже 19 мая, на второй день после торжественного въезда посольства в Кенигсберг, Петр принял решение об изменении маршрута, извещении австрийской стороны об отмене визита в Вену и о переориентации посольства на поездку в Голландию⁶⁶.

Отправившись 30 июня после успешного решения «польской проблемы» в Голландию, куда он прибыл после почти месячного путешествия по Германии только 5 августа, и оказавшись уже 7 августа в предместье Амстердама Саардаме, Петр еще неделю ждал торжественного въезда Великого посольства в Амстердам, последовавшего 16 августа. Царь с нетерпением ожидал конца торжественных церемоний, чтобы 20 августа 1697 г. с десятью «ближними» волонтерами приступить к практическому изучению кораблестроения на Ост-Индской верфи, где для них при поддержке бургомистра Н. Витсена по решению директоров компании 9 сентября 1697 г. заложили фрегат 100-футовой длины, чтобы ознакомить русских с полным циклом строительства корабля⁶⁷.

Накануне этого, 1 сентября, Петр I приватно встретился в Утрехте с Вильгельмом Оранским, озабоченным тем, чтобы пресечь укрепление французских позиций в Польше и избрание польским королем французского принца Конде, и просившим в связи с этим поддержать Августа Саксонского 60-тысячным русским корпусом. По его просьбе великие послы 9/19 сентября приняли саксонского посла И.Х. Бозе, снова обещав ему помощь коронованному 5 сентября в Кракове Августу⁶⁸ *«единственно ради вреда, который может причинить врагу христианского имени — туркам»*⁶⁹, но лишь после доклада 10 сентября Петру на Ост-Индской верфи приняли его вторично с заявлением, что согласны послать войска в Польшу только на условии письменного призыва со стороны Речи Посполитой, иначе это будет расценено как нарушение Вечного мира 1686 г. и агрессия против Польши⁷⁰. Петр недвусмысленно подчеркнул, что даже по просьбе уважаемого им англий-

⁶⁶ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 72.

⁶⁷ Там же. С. 154.

⁶⁸ Там же. С. 188.

⁶⁹ Сборник Русского императорского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 20. СПб, 1877. С. 5.

⁷⁰ Сб. РИО. Т. 20. С. 7; Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 177.

Прием великого посольства в Гааге 25 сентября 1697 г. Гравюра Ж.-М. Моро

ского короля не собирается рисковать по желаниям саксонцев потерей польского союзника в Русско-турецкой войне.

Начальный период пребывания Петра в Голландии в сентябре — октябре 1697 г. был временем эйфории и самых крепких надежд на успех реализации второй фазы «восточного проекта»; именно в это время Петр, особенно после австрийской победы при Центе 1/11 сентября 1697 г., не раз подчеркивал, что надеется на успешный исход турецкой войны в ее «морской» фазе для России⁷¹.

Правда, оптимизм Петра и его наивная вера в европейское единство «христианского мира» (сформированная в России, очевидно, его «ближними» иностранными советниками, входившими в «компанию» государя) в это же самое время пошли первыми трещинами. Несмотря на явно ожидаемое буквально в течение недели подписание мира на Рисвикском конгрессе и завершение войны Аугсбургской лиги, освобождающиеся из нее Англия и Голландия не проявили никакой склонности поддержать Россию в турецкой войне. Несмотря на то что на прошедшей в Гааге 25 сентября 1697 г. торжественной аудиенции, сопровождающейся официальной аккредитацией Великого посольства при голландском правительстве, русские послы в национальных одеждах настойчиво подчеркивали, что «царское величество по прошению всех христианских государей, братии своей, и ради освобожде-

⁷¹ См., например, уже цитировавшиеся письма патриарху Адриану от 10 сентября 1697 г. (ПБПВ. Т. 1. С. 194); А. Виниусу от 5 октября 1697 г. с предсказанием о русском взятии Царьграда (там же. С. 201–202).

ния христиан от насилия поганского» *«вести эту войну не бросит, а наоборот, делает к ней обширные приготовления»*⁷², голландская сторона вовсе не склонялась к поддержке антитурецких планов. На начавшихся 29 сентября переговорах, несмотря на обещание Петра открыть голландцам доступ к персидской и армянской торговле, изложенная 2 октября просьба Петра о помощи встретила весьма прохладный прием. Несмотря на заверения русских послов, что царь *«и впредь ... намерен того неприятеля войсками своими сухим путем и морем воевать всеми силами, и для того ... указал готовить для походу на Черное море воинской морской корован, в котором будет воинских кораблей и галер со сто ...»,* на которые надобно многое приуготовление как в денежной казне, так и в воинских припасах», просьба о «вспоможении если не возможно казною, то бы всякими воинскими и корабельными припасы, чего у них много и довольство в них большое, а в Российском царстве таких ... корабельных припасов за незвычай нет, и в скорости изготовить невозможно»⁷³, встретила 9 и 14 октября 1697 г. решительный отказ. Он был мотивирован убытками и разорением от девятилетней войны, а также необходимостью восполнить потери кораблей во флоте от недавних жестоких осенних штормов этого года⁷⁴. После этого «великим послам» не оставалось ничего иного, как просить о скорой отпускнутой аудиенции, полученной уже через четыре дня, 18 октября⁷⁵.

Скромные надежды русской дипломатии вовсе не на вступление Голландии в антитурецкий союз, а всего лишь на помощь материалами и припасами для обеспечения спешно строящегося флота в не имеющей опыта кораблестроения стране не оправдались. С 21 октября 1697 г. Голландия прекратила дорогостоящее финансирование вернувшегося в Амстердам из Гааги и официально закончившего свою миссию посольства, а великие послы не только перешли на собственное содержание, но вынуждены были (прежде всего флотский генерал-кригс-комиссар Ф.А. Головин) форсированно переключиться на другой метод решения задачи обеспечения строящегося флота — начать закупку материалов и вербовку специалистов на собственные средства⁷⁶.

⁷² Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 194.

⁷³ ПДС. Т. VIII. Ст. 1012–1013.

⁷⁴ Об этих потерях сообщал и сам Петр буквально в те же дни в письме А. Виниусу от 14 октября 1697 г. (ПБПВ. Т. 1. С. 203–204).

⁷⁵ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 222, 234, 237.

⁷⁶ Там же. С. 239, 266–267.

Однако Петра уже не удовлетворял голландский опыт — к концу ноября 1697 г. он разочаровался в голландском кораблестроении. М.М. Богословский отметил, что Петр в письмах, отправленных на следующий день, даже не вспомнил о торжественном спуске 16 ноября построенного с его участием фрегата «Петр и Павел»⁷⁷. По собственным словам царя, вслед за этим после четырехдневной учебы у баса Ост-Индской верфи Яна Поля, убедившись, что в определении корабельных пропорций «в Голландии нет на сие мастерство совершенства геометрическим образом, но точию некоторые принципы, прочее же с долговременной практики», Петр I впал в уныние. Только разговор со случайным собеседником англичанином на загородном дворе занимавшегося затем книгоизданием для России купца Яна Тессинга о возможности в короткий срок научиться теории кораблестроения в Англии воскресил его оптимизм⁷⁸. Получив буквально в эти же дни письмо лорда Кармартена от 9/19 ноября 1697 г. с известием о подаренной ему Вильгельмом III яхте «Транспорт Роял», Петр тут же использовал ситуацию для организации поездки в Англию. Он уже 28 ноября отправил в Англию с благодарностью гвардейского майора А.А. Вейде, попутно объявив королю о своем намерении посетить Англию «чтобы видеть корабли и морское поведение», а уже 10 декабря Вейде получил благосклонный ответ Вильгельма III с обещанием вскоре прислать английские корабли для транспортировки царя в Англию. Петр I в конце декабря начал готовиться к английскому вояжу⁷⁹. Начинаясь «межсезонье» после определения планов кампании будущего года и частично проделанной работы по закупке материалов и найму специалистов, завершение которой он мог возложить на Ф.А. Головина (практически закончившего ее к 28 января 1698 г.⁸⁰), давало ему возможность и время для этого. Английский король Вильгельм III, несомненно, приглашал Петра и с прагматической целью — с целью зондажа позиции Петра и России в назревающем европейском конфликте и в надежде повлиять при ее определении на молодого царя, испытывавшего пиетет перед умудренным опытом политиком и полководцем.

Поздней осенью 1697 г. постепенно менялась международная ситуация: 1) последние активные кампании России в этой войне, от которых она не собиралась отказываться и в 1698 г., создавали серьезные допол-

⁷⁷ Там же. С. 259–260.

⁷⁸ Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. II. С. 400.

⁷⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. III. СПб., 1858. С. 89–90, прим. 70–71 к с. 89 и 90, 94, прим. 82 к с. 94.

⁸⁰ ПБПВ. Т. 1. С. 687–688.

нительные проблемы для истощенной войной Турции; 2) австрийская победа при Центе, частично одержанная в том числе и 3) благодаря отвлечению значительной группировки турецких войск летом — осенью 1697 г. на операцию против днепровских городков (попытку штурма Тавани) и сковыванию сил кубанских, крымских и буджакских татар «днепровской» армией Я.Ф. Долгорукова и «донской» армией А.С. Шейна; 4) развернувшееся в 1697 г. строительство многочисленного русского флота, перспективы и реальную боеспособность которого Турция на этой стадии строительства еще не могла реально и объективно оценить и могла расценивать как значимую угрозу — все это начало склонять Турцию к миру. Начавшаяся реализация второй фазы «восточного проекта» Петра превращала Россию в дополнительный рычаг военно-политического давления на Турцию, ускоривший уже наметившийся перелом в течении войны. «8 декабря 1697 г. прозвучал (опущено слово «новый») тревожный звонок — послы получили письмо из Вены от агента Стиллы с известиями, что 1) турецкий султан «к миру заносится» (т.е. ищет мира); 2) хочет прислать к цесарю посла для переговоров; 3) французский король обнадеживает султана, что мир будет заключен, но цесарь без союзников мира заключать не будет⁸¹. Сведения Стиллы в какой-то степени задержали отправку грамот союзникам по случаю таванской победы, известие о которой было получено послами в Амстердаме только 25 ноября — ложнодатированные как отправленные из Москвы 30 октября 1697 г., они были посланы из Амстердама лишь 19–21 декабря 1697 г.⁸² В грамоте австрийскому императору Леопольду I, сообщая о победе под Таванью и слухах о возможном мире с турками, Петр выражал надежду, «что *тот лукавый вымысл* и прочих ходатайство у *вашего цесарского величества двора приятно не будет...*»⁸³.

Петр не мог не осознавать это как угрозу своим стратегическим целям, но пока, видимо, не расценивал ее как слишком серьезную. Однако он не мог не учитывать ее при планировании кампании наступающего 1698 г., которым царь и оставшиеся в России правительственные структуры, как обычно, активно занимались в ноябре — декабре 1697 г. В сложившихся обстоятельствах для удержания союзников необходимо было продемонстрировать значимость России для коалиции и провести в 1698 г. (после вполне естественной для «переваривания» результатов

⁸¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 278.

⁸² ПДС. Т. VIII. Ст. 1138–1146.

⁸³ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 210.

Аллегория победы над турками. Гравюра работы Петра I

Азовских походов относительной передышки 1697 г.) активную (и по возможности результативную) «большую» военную кампанию. Ее главной стратегической целью становилось решение все еще не решенной задачи — окончательное завоевание устьев Днепра с Очаковскими силами «днепровской» армии Я.Ф. Долгорукова. Для достижения этой цели и упрочения завоеваний на юге планировалось создать мощную военную группировку общей численностью почти в 125,8 тыс. чел.⁸⁴, не уступающую армиям В.В. Голицына в Крымских походах. При необходимости держать на литовской границе значительную армию М.Г. Ромодановского для окончательного решения «польской проблемы» и оказания помощи королю Августу это означало почти тотальную мобилизацию полевой армии России. Однако Петр пошел на это — он был слишком увлечен своим «восточным проектом», всерьез надеясь на его успех.

Видимым выражением этих надежд стала ученическая гравюра Петра I «Аллегория победы над турками», выполненная совместно с его учителем А. Шхонебеком в последний период пребывания Петра на Ост-Индской верфи, видимо, в первые дни наступившего нового 1698 г., сразу после поднесения Шхонебеком 1 января Петру I написанного для него руководства по овладению техникой офорта⁸⁵, непосредственно перед отъездом в Англию 7 января. В лице долговя-

⁸⁴ Подробнее: Петрухинцев Н.Н., Никитина А.А. Последний натиск на степь... С. 93.

⁸⁵ Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 20–21.

зой фигуры Победы с крестом, подпирающим поверженный полумесяц, просматривалось отдаленное сходство с самим Петром. Принято считать, что гравюра повторяет реверс памятной подарочной медали в честь взятия Азова с портретом Петра I, выполненной примерно в это же время голландским гравером Яном Боскамом⁸⁶, создавшим осенью 1697 г. вкупе с другими мастерами серию памятных медалей в честь Рисвикского мира с портретами Вильгельма III и аллегорическими фигурами Европы, изображенной в виде быка с пальмовой ветвью; крестообразно скрещенных в рукопожатии рук бывших противников; пшеничных колосьев, прорастающих из брошенного солдатского шлема⁸⁷. Однако ни одно из этих изображений не имеет прямых аналогий с фигурой Победы на «азовской» медали. Поэтому уместно поставить вопрос о том, а не была ли, наоборот, эта черновая гравюра эскизным наброском для медали Яна Боскама? И не была ли эта медаль, вопреки предположению В.А. Калинина, напротив, подарком Петра I английскому королю, а не наоборот? Характерно, что вокруг фигуры Победы расположена символическая латинская надпись «HISCE AXENUS FIAT EUXINUS» («Пусть для них [турок] это гостеприимное [Черное] море станет негостеприимным», в максимально отчетливой форме выражающая настроения и надежды Петра на рубеже 1697–1698 гг.

* * *

Однако начавшийся 1698 г. принес молодому царю неприятные сюрпризы. То, что происходило на финальном этапе Великого посольства, трудно охарактеризовать не иначе как серьезнейший внешнеполитический кризис для России, начавшийся с весны и достигший кульминации летом 1698 г.

⁸⁶ Шукина Е.С. О создании медали в память взятия Азова работы Я. Боскама // Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977. С. 159–162; Калинин В.А. Памятные медали времени Великого посольства 1697–1698 годов // Труды ГЭ. Материалы и исследования Отдела нумизматики: памяти А.А. Марковой (1895–1975). СПб., 2009. С. 150–158.

⁸⁷ Edward Hawkins. Medalllic Illustrations of the History of Great Britain and Ireland to the Death of George II. Vol. 2. London, 1885. P. 160–189; Сайт Британского музея: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_BNK-EngM-153; https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_G3-EM-233; https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1837-1030-75.

Медаль в память взятия Азова русскими войсками в 1696 г.

Кризис этот, несомненно, имел общеевропейский контекст — он был следствием коренных перемен внешнеполитического курса всей Европы, переориентировавшейся в 1698 г. практически целиком на решение внутриевропейских проблем в преддверии войны за «испанское наследство». «Восточное» направление превращалось в периферийное и на время закрывалось для европейской политики. Но это-то и было трагедией для Петра, сосредоточенного на «восточном» направлении, где рушились его планы «турецкой войны 1699 г».

Поворот общеевропейского политического курса начался именно в «межсезонье» военных кампаний, зимой 1697/98 г., во время пребывания Петра в Англии. Отдав дань церемониальной стороне визита почти месячным пребыванием в Лондоне (11 января — 8 февраля 1698 г.), Петр с 9 февраля 1698 г., так же как и в Голландии на Ост-Индской верфи, перешел к изолированной жизни на королевской верфи в Дептфорде, на два месяца погрузившись в изучение теории английского кораблестроения (М.М. Богословский отметил, что «собственноручно на дептфордских верфях царь уже не работал»⁸⁸). К этому времени, видимо, убедившись за лондонский «церемониальный» период в незыблемости намерений Петра продолжать турецкую войну и в бесперспективности переориентации его на «североевропейское» направление, Вильгельм III, вероятно, в значительной степени утратил к нему интерес. Король предоставил английским купцам через лорда Кармартена возможность решать проблему завоевания виргинским табаком внезапно открывшегося с указами Петра 1697 г. о разрешении табачной торговли в России

⁸⁸ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 316–317.

российского рынка⁸⁹. Однако под занавес Вильгельм III организовал для Петра в Портсмуте 21–25 марта маневры английского флота и примерный морской бой 24 марта 1698 г. в Спитхедском проливе с участием многопушечных линейных кораблей⁹⁰, что стало, по сути, на долгие годы, вплоть до 1710-х гг., единственным для Петра личным опытом наблюдения боевого использования линейного корабельного флота, показавшего мощь и значимость линейных кораблей.

Фактически уже во время этих маневров Петр начал остро чувствовать нарастающую опасность для своих планов — для него стала очевидной угроза общеевропейской войны за «испанское наследство», требовавшая выхода европейских держав из войны с Турцией. Об этом в связи со слухом о смерти испанского короля, дошедшим до царя 28 марта на дороге из Портсмута, он писал Виниусу 29 марта 1698 г. из Дептфорта, добавляя: «...а что по его смерти (естьли то правда) будет, о том *ваша милость самъ знаешь*»⁹¹. Возможно, Петр вызвал в эти дни в Англию Ф.А. Головина не только для подписания табачного договора и оформления контрактов с нанятыми английскими специалистами, но и для обсуждения менявшейся внешнеполитической ситуации.

Перед отъездом из Англии, тепло простившись 18 апреля 1698 г. с Вильгельмом III, царь буквально на следующий день, узнав об успехе посреднической миссии англичан на ведущихся за его спиной переговорах о мире с турками, испытал острое разочарование в английском короле. По сообщению австрийского посла в Лондоне Ауэрсперга, царь «выразил недовольство, что король не сообщил ему о том, и так как он того мнения, что *еще не время заключать такой мир*, то, вероятно, *будет противодействовать его заключению*» по приезде в Австрию⁹². Возможно, Петр I неслучайно в тот же день 19 апреля срочно отправил в Голландию Ф.А. Головина, который должен был оперативно завершить все дела по обеспечению азовского флота и готовить «австрийскую» поездку Великого посольства, становившуюся теперь насущно необходимой и приоритетной. Через неделю, 27 апреля, уже и сам Петр прибыл в Амстердам, чтобы еще через две недели отправиться с Великим посольством в Австрию.

К этому времени угроза стала реальностью: 12 мая 1698 г. Петр через резидента в Варшаве А.В. Никитина получил от австрийского посланни-

⁸⁹ Андреев А.И. Петр I в Англии в 1698 г. // Петр Великий. Сб. статей под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 78.

⁹⁰ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 351–354.

⁹¹ ПБПВ. Т. 1. № 233. С. 242–243.

⁹² Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 380.

Петр I в костюме корабеля в Дептфорде в 1698 г. *Неизвестный английский художник*

ка в Польше копии основных документов о достигнутых при посредничестве англичан предварительных условиях заключения мира с Турцией и о намерении Австрии и Священной лиги выйти из войны и заключить мир. В тот же день документы были переведены с латыни на русский язык и доложены Петру, Никитин получил вознаграждение в 500 золотых, а уже на третий день, 15 мая, Петр выехал в Вену⁹³ с весьма слабой надеждой как-то остановить мирный переговорный процесс.

За время почти месячного путешествия из Голландии в Австрию царь сумел подавить первые вспышки острого недовольства союзниками и английским королем, проводшими за его спиной, безо всякого уведомления, предварительные переговоры о мире с Турцией. Он показал себя способным «держат удар» и въехал в Австрию уже опытным и искусственным дипломатом. Он настолько искусно скрывал свои истинные настроения под покровом любезности и учтивости в отношениях с императором и австрийскими министрами, что даже иностранные наблюдатели не фиксировали никаких странностей в его поведении, отмечая, что царь оказался «гораздо более цивилизованным, разумным, с хорошими манерами и скромным»⁹⁴.

Однако шаткие надежды на отказ Австрии от мирных переговоров не оправдались.

⁹³ Там же. С. 416–417.

⁹⁴ Там же. С. 475–476.

Добившись 19/26 июня приватной аудиенции у австрийского императора Леопольда I, после которой у Петра еще сохранялся некоторый оптимизм⁹⁵, на неофициальных личных переговорах с графом Кинским 21–30 июня 1698 г. Петр убедился в решимости Австрии завершить турецкую войну. Царь открыто выразил при этом недовольство проведением предварительных переговоров без участия России, не согласованными с ней условиями мира на принципе «кто чем владеет». Он пытался настоять на обеспечении за ним на мирном конгрессе еще не завоеванной Керчи, добываясь в противном случае продолжения войны союзниками как минимум до 1701 г., но фактически получил лишь слегка завуалированный отказ⁹⁶. Петр не пошел на обострение конфликта и был вынужден согласиться на участие России в Карловицком конгрессе.

Австрийская сторона пыталась смягчить ситуацию демонстрацией внешнего уважения к Петру: пышным празднованием его именин 29 июня, произведенным за счет австрийской казны, а также организовав 11 июля в честь царя в ожидании задерживающейся официальной аудиенции Великого посольства ранее отмененный по случаю войны и перенесенный с осени на лето костюмированный праздник *Wirtshaft*⁹⁷. Именно на нем, несмотря на явно демонстрируемое окружающим веселье, на миг прорвалось истинное отношение Петра к сложившемуся положению. Петр в маскарадном костюме фризского крестьянина, в ответ на замечание австрийского императора, что «тот, конечно, знает Великого царя московского, которому он желает добра», ответил, что, «конечно, знал московского царя. Он был *другом Его Императорского Величества и врагом его врагов*. Он хотел бы осушить этот кубок во благо императорской любви и выгод и вернуть его пустым, *даже если бы он был наполнен ядом*»⁹⁸ (получив на следующий день этот хрустальный кубок стоимостью в 2000 гульденов в подарок)⁹⁹.

Таким образом, в конце июня — начале июля внешнеполитический кризис 1698 г., в котором оказалась Россия, достиг своей драматической кульминации.

⁹⁵ Hennings Jan. The Semiotics of Diplomatic Dialogue: Pomp and Circumstance in Tsar Peter I's Visit to Vienna in 1698 // The International History Review. Vol. XXX. № 3. September 2008. P. 535.

⁹⁶ ПДС. Т. VIII. Ст. Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 477, 480–481, 489–490.

⁹⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 495–496, 499–500, 513–520.

⁹⁸ Hennings Jan. The Semiotics ... P. 533.

⁹⁹ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. II. М.; Л., 1941. С. 520.

Петр уже отчетливо понимал, что запланированный на осень Карловицкий конгресс в случае его успеха ведет к полному краху второй фазы его первого самостоятельного «восточного проекта», в который он вложил столько надежд, усилий и средств. Его заявления австрийской стороне о том, что, реализуя свой «восточный проект», он «вошел ... в убытки»¹⁰⁰, еще довольно слабо отражает реальность. Отчетливее об этом говорил П.Б. Возницын на встрече с венецианским послом К. Рудзини 23 августа 1698 г.: царь «к будущему походу [т.е. кампании 1699 г. — Н.П.] великое изготовление со многими его ... казне миллионами, как морем, так и сухим путем, чинит, и несколько сот начальных и работных морских людей в Англии и в Голландии в службу наняты и к Москве высланы, и до ныне великие убытки в *изготовлении морского каравана ЦВ-вучинятся*»¹⁰¹. Только затраты на «залповое» строительство «кумпанского» Азовского флота, в значительной степени переложенные на население, при средней стоимости «кумпанского» корабля в 10 тыс. руб. и даже первоначальном составе флота в 58 кораблей и галер (увеличенном затем до 76), составляли никак не менее 610 тыс. руб.¹⁰²; после решения Петра о строительстве «половинного» комплекта «запасных» кораблей они должны были увеличиться минимум до 900 тыс. руб. По оценкам С.И. Елагина, в конечном счете «кумпанская» кораблестроительная программа обошлась в 1 млн 225 тыс. руб.¹⁰³ На расходы Великого посольства (пошедшие и на обеспечение флота), по сведениям Н.А. Баклановой, было затрачено по меньшей мере 226 979 руб.¹⁰⁴ К этим в совокупности как минимум 1,5 млн руб. (почти половине государственного бюджета на 1701 г.¹⁰⁵) следует прибавить траты на строительство новых крепостей и гаваней на южных границах и — главное — на массовые мобилизации и обеспечение полевых армий в походах 1697–1698 гг.,

¹⁰⁰ ПДС. Т. VIII. Ст. 1355.

¹⁰¹ ПДС. Т. IX. СПб., 1868. Ст. 113–114.

¹⁰² Это стоимость лишь 52 «кумпанских» кораблей, не считая строившихся государством. Подсчитано исходя из средней стоимости галеры в 12 тыс. руб., баркалона и «барбарского» корабля — в 10 тыс. руб.; «ших-бомбардского» — в 10,9 тыс. руб. (Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. Приложения. Ч. 1. СПб., 1864. С. 345, 347, 351)

¹⁰³ Елагин С.И. История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864 (основной текст). С. 151.

¹⁰⁴ Подсчитано по: Бакланова Н.А. Великое посольство за границей (его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сб. статей под ред. А.И. Андреева. М.; Л., 1947. С. 10, 7 (44 999 золотых (по 1 руб. золотой); 181 960 ефимков («по полтине ефимок»); 91 000 руб.).

¹⁰⁵ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 278.

не считая многочисленных натуральных повинностей населения в тяжёлые и неурожайные 1697–1698 гг. При вполне вероятной общей сумме затрат как минимум в 2 млн. р. и при тогдашнем официальном курсе ефимка в 50 к. расходы могли оцениваться в 4 млн. талеров, и слова о «многих миллионах» отнюдь не были риторическим преувеличением русских дипломатов.

Петр отнюдь не был легкомысленным юнцом, бросающим подобные средства на ветер в «туристической поездке» или легко приносящим их в жертву капризам в смене внешнеполитического курса с «восточного» на «североевропейский». Он даже и не помышлял о ней в ходе Великого посольства, прагматично и упорно преследуя на всем его протяжении задачи выстроенного им в конце 1696 г. плана продолжения турецкой войны. Еще Р. Виттрам отметил: из единичного известия о том, что в Англии царь однажды обронил, «что он хочет иметь гавань на Балтийском море», «нельзя сделать заключение, что Петр в течение своего заграничного путешествия признал возможность новых политических комбинаций и был побужден к тому, чтобы включить пройденную им от Ливавы до Пиллау Балтику в свое политическое сознание»¹⁰⁶.

Обозначившийся к началу июля крах «восточного проекта» был тяжелейшим ударом для Петра, получив который, он отнюдь не опустил рук. Сразу после празднования Wirtshaft'a 13 и 14 июля он провел значительную часть времени с близким к императору Леопольду I иезуитом патером Вольфом, надеясь через осторожно подогретые им иллюзии о склонности к «соединению церквей» получить через иезуитские круги и папский престол дополнительный рычаг влияния для возможного переубеждения австрийского императора. Царь встретился также и с венецианским послом К. Рудзини для зондажа позиции Венеции, куда он собирался поехать уже на следующий день, 15 июля¹⁰⁷, вероятно, в слабой надежде поколебать венецианское правительство в решении заключить мир.

Однако в глубине души он не мог не понимать, что в сложившейся международной ситуации дипломатическая партия им уже проиграна, и в Европе ему делать более нечего.

Провал его «восточного проекта» и заключение мира на предложенных австрийской стороной условиях «кто чем владеет» при достигнутых

¹⁰⁶ Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit: Bd. 1–2. Göttingen, 1964. Bd. 1. S. 198–199.

¹⁰⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 521–528, 536–539.

к лету 1698 г. результатах не сулили России ничего хорошего, не давая ей никаких значимых стратегических преимуществ и обесмысливая напряженные усилия и жертвы четырех последних лет «петровской» турецкой войны, «крови и убытки» которых действительно оказывались «положены всуе». Вероятно, после знакомства с голландским и английским кораблестроением и приобретения серьезной квалификации в морском деле царь уже подозревал, что и его первый наивный «морской» проект «кумпанского» кораблестроения почти обречен на провал. Все это могло спровоцировать внутривластительский кризис, подобный приведшему к падению Софьи и В.В. Голицына кризису 1689 г.

Худшие опасения Петра оправдались почти сразу же — в день отправления в Венецию 15 июля он получил письмо Ф.Ю. Ромодановского от 17 июня с первыми известиями о восстании стрельцов. Внешнеполитический кризис осложнился внутривластительским.

Не получив еще представления о реальном масштабе и результатах последнего и имея все основания в условиях тотальной мобилизации армии и вакуума военных сил в столице (Ромодановский писал, что против 4 полков стрельцов, находящихся уже в 90 верстах от столицы, направлено всего 2300 солдат)¹⁰⁸ подозревать худшее, Петр отказался от малоперспективной поездки в Венецию. Уже 16 июля принял решение о возвращении в Россию¹⁰⁹, куда он еще в марте 1698 г. и так планировал вернуться к октябрю¹¹⁰ — вероятно, чтобы начать подготовку к решающей кампании 1699 г.

У царя все еще оставалась призрачная надежда на неудачу мирных переговоров, и остающийся российским представителем на Карловицком конгрессе третий посол П.Б. Возницын, очевидно, получил указания царя по возможности «разорвать» конгресс¹¹¹. Вплоть до начала реальных переговоров 4 ноября он безуспешно пытался сделать это¹¹², что в какой-то степени облегчило турецкой дипломатии задачу по разделению ее противников. Вероятно, и на свидании Петра с польским королем Августом II в Раве Русской и Томашове 31 июля — 4 августа 1698 г., по свидетельству присутствовавших там поляков, речь прежде всего шла

¹⁰⁸ Письмо Ф.Ю. Ромодановского от 17 июня 1698 г. Устрялов Н.Г. История царствования Петра... Т. III. С. 474–475.

¹⁰⁹ ПБПВ. Т. 1. С. 266.

¹¹⁰ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 348.

¹¹¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. III. М.; Л., 1946. С. 385–386; 387–389; ПДС. Т. IX. Ст. 113–114, 165–167.

¹¹² ПДС. Т. IX. Ст. 247–249.

о координации усилий в «турецком» вопросе, о чем царь писал из Томашова и П.Б. Возницыну¹¹³.

Лишь в случайной беседе на пиру у фельдмаршала Флеминга царь завел речь об отмщении «рижской обиды», только ретроспективно, спустя почти 25 лет, выдвинув этот разговор на первый план как первоначальную инициативу войны со шведами. Это было сделано в одной из последних редакций «Истории Свейской войны»¹¹⁴, практически совсем не упоминавшей о «войне турецкой», что стало еще одной причиной недооценки последней в историографии. Победитель в Северной войне, вероятно, не хотел лишний раз вспоминать о неуспехе своего «восточного проекта».

Однако в конце лета 1698 г. Петр I прекрасно осознавал масштабы неудачи Великого посольства и по возвращении в Россию болезненно переживал крах своих «восточных» планов. Это привело к серии импульсивных поступков, периодических вспышек ярости и нервных срывов осени 1698 г. и, вероятно, вылилось в излишнюю жестокость при следствии и расправе над восставшими стрельцами. Ситуация усугублялась состоянием неопределенности, в котором пребывал царь из-за долго идущих вестей с начавшегося только в ноябре Карловицкого конгресса. Неопределенность оборачивалась мучительными колебаниями между нежеланным миром и возможным, но крайне рискованным решением продолжить войну в одиночку, вылившимися в указ 4 декабря 1698 г. о мобилизации дворянства и армии к очередному походу¹¹⁵. Все это, вероятно, как и накануне отправления Великого посольства, породило острые разногласия и конфликты с частью членов Боярской думы. Они наглядно проявились как раз после указа о мобилизации и возвращения царя от его «азовского флота» из Воронежа, 21–25 декабря, накануне и во время Рождества. Вероятно, они выплеснулись на созванном по поводу войны и мира Преображенском заседании Боярской думы, после которого Петр, по сообщению Корба, даже подверг телесному наказанию одного из бояр, «говорившего слишком смело». Разногласия были осложнены еще и желанием Петра I выполнить обещание, данное в Раве Русской, и двинуть войска в Литву на помощь Августу II¹¹⁶.

¹¹³ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. III. С. 563, 566; ПДС. Т. IX. С. 135–138.

¹¹⁴ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 198. В первой редакции этих сведений не было (там же. С. 81–82).

¹¹⁵ ПСЗ. Т. 3. № 1658; РГАДА. Ф. 199. Портф. 130. Ч. 15. Д. 2. Л. 51–52.

¹¹⁶ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть. (1671–1725). СПб, 2008. С. 212–214; Прим. 95 и 96 к с. 213; Корб. Дневник // Рождение империи. М., 1997. С. 109–110.

* * *

Недооценка настроений Петра I и «внутренней драматургии» Великого посольства является еще одним фактором, формирующим искаженное представление о его целях и результатах. Однако мнение о царе как бесстрастном и любопытном «туристе» и полном благоговейной благодарности робком ученике в стране «европейских чудес» вряд ли адекватно отражает психологическое состояние молодого царя и его эволюцию в ходе посольства.

Царь, вероятно, действительно выезжал в Европу отчасти «очарованным странником», полным иллюзорных представлений об известном единстве жаждущего победы «над врагами креста Христова» европейского «христианского мира», полноправной частью которого в ходе общей Русско-турецкой войны, по его мнению, становилась Россия. Контакты с зависевшими от него полуобрусевшими иноземными офицерами и европейскими купцами Немецкой слободы, прекрасно представлявшими себе истинные реалии и возможности России, подпитывали в нем эти настроения, вольно или невольно поддерживая в нем убеждение в европейской значимости России и в высоком личном статусе как государя своей страны. Впрочем, даже ряд приближенных к государю иноземных офицеров-преображенцев по приезду в Курляндию были полны высокомерия по отношению к русским и не стеснялись заявлять, «что почти невозможно преобразовать этот грубый, несговорчивый и глупый народ»¹¹⁷.

Петр I по соображениям целесообразности ехал инкогнито; это предоставляло ему: 1) известную свободу действий в областях занятий, формально не совместимых со статусом любого монарха; 2) позволяло избежать проблем дипломатического церемониала в отношениях с европейскими государствами (тем паче что выезд российского царя за пределы собственной страны не имел прецедентов, на которые могло бы опереться в церемониальных вопросах российское дипломатическое ведомство, тщательно учитывающее эти моменты в наказах Великому посольству¹¹⁸), да и в европейском мире «личная дипломатия» государей была явлением почти беспрецедентным, создающим массу сложно-

¹¹⁷ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 40.

¹¹⁸ Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 114–119.

стей¹¹⁹; 3) открывало простор для неофициальной «личной дипломатии» и непосредственных контактов с европейскими монархами, очень часто проходивших вне рамок Великого посольства, до его официальной аккредитации, до которой формально были невозможны официальные переговоры, благодаря чему 4) Петр I мог ускорить ход событий и получил непосредственные личные впечатления о главных действующих «игроках» в европейской политике своего времени, не упуская случая расширить знакомство с европейскими дворами¹²⁰; 5) позволяло увеличить свободу перемещений, и на деле царь часто отрывался от Великого посольства, двигаясь по своим, самостоятельным маршрутам.

Но режим существования инкогнито, отработанный еще в России в образе «сержанта Петра Алексея и бомбардира Петра Михайлова», имел и оборотную сторону — он на время снимал барьеры между царем и простыми людьми и позволял ощутить истинное отношение массы европейцев к России, которое не скрашивалось нормами дипломатического церемониала и этикета и по-прежнему сводилось к стереотипному восприятию ее как второстепенной, отсталой и «варварской» страны с соответствующим отношением к особе ее государя. В России в «демократических» играх в «Петра Михайлова» окружающие четко ощущали грань, за которой «урядник» превращался в могущественного царя, и стремились не переступить ее, но она вовсе не чувствовалась в Европе. Петр, вероятно, испытал это почти сразу после пересечения границы, и «рижская обида», по сути, была вызвана первым болезненным ощущением принижения статуса собственной страны и унижения статуса ее государя. Прекрасно зная о пребывании его инкогнито в свите, недогадливый рижский провинциальный «воевода» Дальберг не только не посчитал нужным лично принять и приветствовать несовместимого с ним по «чину» русского царя и не только не обеспечил его сопровождение и охрану, но и почти поставил под угрозу его жизнь. Разглаше-

¹¹⁹ «Личные встречи между монархами были редки, не в последнюю очередь из-за сложностей, связанных с церемониалом. Что Леопольд I и Петр I встречались по меньшей мере 4 раза, было само по себе экстраординарным. Присутствие Петра в Великом посольстве и его склонность к личным встречам с монархами были новшеством и усложняли международные отношения конца XVII столетия» (*Hennings Jan. The Semiotics...* P. 539).

¹²⁰ Так, в Австрии он не упустил случая для хотя бы короткой встречи с наследником престола и будущим королем Иосифом I, к которому и потом подчеркивал свою симпатию и благосклонность (*Богословский М.М. Петр I. Материалы...* Т. II. С. 491, 518).

нием «рижской обиды» сразу по выезде из Лифляндии¹²¹ Петр фактически поставил вопрос об уважении статуса России и особы ее государя, несмотря на неофициальный характер его визита, и добился того, что все последующие европейские монархи, начиная с герцога Курляндского, усвоили этот урок и хотя бы формально встречали посольство и государя с необходимым вниманием и должным почтением к его сану.

Но он, естественно, не мог и далее не ощущать отношения к себе как к государю второстепенной «варварской» державы. Характерным примером была Англия, где, как отметил в свое время М. Андерсон, даже визит Петра в 1698 г., вызвав лишь временный и отчасти полускандалный интерес к его необычному поведению и публикацию ряда небольших сочинений о России, не изменил сложившегося за последние полтора столетия типичного даже для образованных англичан отношения к ней как к «неразвитой и отсталой, и, исключая ее роль как источника немногих сырьевых ресурсов, совершенно неважной» стране, где еще в 1690 г. Россию почти полностью игнорировали в международных расчетах и третировали «с таким безразличием, с каким едва ли позволили бы вести себя с мельчайшим из западноевропейских государств»¹²².

То, что считают признаком «дикости» и некоей неуверенности в себе Петра — требование, по возможности, строжайшего соблюдения инкогнито, периодические нервные ответы «действием» слишком назойливым наблюдателям и частые отказы появляться на публике, было лишь естественной реакцией на нездоровое любопытство даже образованных европейцев, превращавшихся в зевак, пришедших посмотреть на спустившегося в среду простых людей «царя варварской страны» как на диковинную заморскую обезьянку, унижая государственное и личное достоинство Петра и бесцеремонно вторгаясь в его приватное пространство. Уже на шестой день незаслуженно разрекламированной недели пребывания царя в Саардаме «саардамский плотник» Петр отказался присутствовать на церемонии перетаскивания корабля из Биннен-зана в Форзан, потому что толпа зевак смела палисад, отделявший их от царя, а на следующий день, 15 августа, с трудом сумел покинуть Саардам, ибо даже для того, чтобы добраться до своего буера, ему приходилось иногда силой расталкивать толпу, и царь отплыл несмотря на сильнейший ветер, серьезный риск и уговоры остаться¹²³.

¹²¹ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 39–40.

¹²² Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. Macmillan. L., 1958. P. 50–52.

¹²³ Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. II. С. 139.

Поэтому Петр I почти поневоле предпочитал изолированное проживание на Ост-Индских или Дефтфордских верфях, куда не было доступа посторонним и где он мог без помех заниматься делом, ради которого он приехал, а также настоящим общением с простыми голландцами и англичанами — но, к сожалению, именно эти эпизоды самой длительной и плодотворной деятельности царя за время Великого посольства менее всего известны нам.

Петр времени Великого посольства еще не был Петром, одержавшим в 1709 г. победу в Полтавской битве и, естественно, воспринимался в Европе совершенно иначе — в лучшем случае как молодой государь второстепенной и даже третьестепенной страны с неясными перспективами и экзотическими манерами, не отвечавшими европейским культурным стандартам поведения коронованной особы. Это отношение, в котором превалировало любопытство, вероятно, не могли до конца скрыть даже встречавшиеся с царем пожилые и опытные государи (Вильгельм III и Леопольд I), проявлявшие внешне уважение и даже симпатию к молодому царю. Поэтому пребывание Петра в Европе вряд ли было безоблачным и радужным для него.

Но, вероятно, самым болезненным для Петра было открывшееся ему отношение к его собственной стране, которую не воспринимали как равноправного и равноценного партнера в европейских международных отношениях. С ростом опыта личного руководства внешней политикой со все более учащающимися эпизодами «личной дипломатии» постепенно проходило «очарование Европой», таяли иллюзии европейского «общехристианского единства», становились видны нити многочисленных конфликтов, раздирающих Европу, происходило, как отмечал Р. Виттрам, «открытие политики как области живых расчетов»¹²⁴, в которых не было места иллюзиям и оставалось все меньше пространства для принципов «сердечной дружбы». Внешнеполитический кризис 1698 г. окончательно подорвал доверие к Англии, Голландии и особенно — к основному австрийскому союзнику. К нему как к главному виновнику провала его «восточного проекта» с июля 1698 г. Петр испытывал все более негативные чувства, косвенно отраженные и подогретенные прекрасно осведомленным о них П.Б. Возницыным в его осенних донесениях с открывающегося Карловицкого конгресса¹²⁵.

¹²⁴ Wittram R. Peter... Bd. 1. S. 199–200.

¹²⁵ ПБПВ. Т. 1. С. 744–745; ПДС. Т. IX. С. 135–138, 145–149 и далее; Богословский М.М. Петр I. Материалы... Т. III. С. 363–364.

В сущности, Петр был далеко не вполне прав. Союзники по Священной лиге, в которую он официально вступил лишь полтора года назад, вели гораздо более длительную, фактически пятнадцатилетнюю войну с Турцией, осложненную масштабным внутриевропейским конфликтом, и были не меньше России истощены ею. Они стояли на пороге еще одного глобального общеевропейского конфликта, побуждавшего их выйти из турецкой войны, в которой не менее истощенная Турция проявляла явную склонность к миру, понимая, что Рисвикский мир может существенно усилить позиции противников в войне с ней. С их точки зрения, кратковременное активное участие России, не приведя к серьезным стратегическим успехам на ее фронте, не внесло существенного вклада в общую победу. Перспективы успешной реализации второй фазы «восточного проекта» Петра I в 1699 г. были весьма сомнительны, а его планы строительства за один год и успешного боевого применения военно-морского флота в не имеющей его стране были почти откровенно утопичны, чтобы рисковать из-за них продолжением войны. Заключая договор с Россией в январе 1697 г., союзники не могли предвидеть, что уже к осени сложится благоприятная конъюнктура для заключения мира, упускать которую было бы нецелесообразно.

Главную ошибку сделал прежде всего сам Петр, не сумев заранее серьезно просчитать все риски второй фазы своего «восточного проекта», при планировании которой были сделаны не только внешнеполитические просчеты, но и существенные внутренние ошибки. Неблагоприятно сложившаяся внешнеполитическая конъюнктура отчасти скрыла их, но не была единственной причиной его провала. Петр был слишком увлечен, не желая принимать в расчет объективные обстоятельства, за что еще до отправления в посольство, видимо, подвергся справедливой критике со стороны части Думы. Однако он был слишком поглощен своим «восточным проектом», чтобы объективно оценить свои промахи, и болезненно переживал его провал.

В ходе Великого посольства он получил первый серьезный урок реальной политики, избавляющий от иллюзий в отношении Европы, погруженной в свои проблемы и частично использовавшей его и Россию для достижения собственных целей. Это было для него неприятным открытием.

Итогом Великого посольства стал не рост симпатий царя к Европе, а откровенное разочарование в принципах европейской полити-

ки и в отношениях к России целого ряда европейских стран. Прежде всего это касалось Австрии, не только досрочно пошедшей на мир после переговоров, проведенных без его ведома, за спиной царя, но, преследуя собственные выгоды, превратившей Карловицкий конгресс в серию сепаратных переговоров, на которых каждый из союзников вынужден был сам отстаивать собственные интересы, что существенно облегчило задачи турецкой дипломатии. «Вот так друзья! — впоследствии говорил царь. — В жизнь не забуду всего, что потерпел от них, чувствую, как оставили меня эти друзья с пустым карманом!»¹²⁶ Разочарование оказалось очень стойким: еще 1 октября 1711 г. английский посол Чарлз Уитворт сообщал, что первой причиной долгосрочного охлаждения в отношениях России с Австрией стал Карловицкий мир. По словам самого Петра, союзники, добывшие себе войной «целые королевства» (тогда как он — «один городишко»), без его ведома «прямо порешили мир месяцев за шесть до подписания перемирия с русскими; что на него, царя, обратили внимания не больше *чем на собаку* (так он сам выразился), хотя он начинал войну *единственно вследствие просьбы союзников, во славу христианства...*»¹²⁷. Все это уже в 1698 г. ставило вопрос о том, что следовало переходить к более трезвой и прагматичной политике.

Это было главным итогом и уроком Великого посольства.

Выезжая в него странником, «очарованным Европой», Петр I возвращался назад национальным государем, ориентированным прежде всего на отстаивание интересов собственной страны в расчете на ее собственные силы.

¹²⁶ Сб. РИО. Т. 61. СПб., 1888. С. 36.

¹²⁷ Там же. С. 2.

REFERENCES

1. *Alekseeva M.A.* Gravyura petrovskogo vremeni. L., 1990. — 207 s.
2. *Andreev A.I.* Petr I v Anglii v 1698 g. // Petr Velikij. Sb. statej pod red. A.I. Andreeva. M.; L., 1947. S. 63-103.
3. *Bagro A.V.* Ukrainskoe kazachestvo i pervy`j Azovo-Dneprovskij poход. Diss. ...kand. ist. nauk. SPb., 2015.
4. *Bazarova T.A., Kopelev D.N.* Al`bom petrovskogo navigatora. SPb., 2016. — 135 s.
5. *Baklanova N.A.* Velikoe posol`stvo za granicej (ego zhizn` i by`t po prihodno-rasходny`m knigam posol`stva) // Petr Velikij. Sb. statej pod red. A.I. Andreeva. M.; L., 1947. S. 3-62.
6. *Bogoslovskij M.M.* Petr I. Materialy` dlya biografii. T. I. M., 1940. — 435 s.
7. *Bogoslovskij M.M.* Petr I. Materialy` dlya biografii. T. II. M.; L. 1941. — 624 s.
8. *Velikanov V.S.* K voprosu ob organizacii i chislennosti vooruzhenny`x sil Rossijskogo gosudarstva v 1699 g. // Vojna i oruzhie. Novy`e issledovaniya i materialy`. Trudy` chetvertoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Sb. st. SPb., Ch. I. S. 335–350.
9. *Vozgrin V.E.* Rossiya i evropejskie strany` v gody` Severnoj vojny`. L., 1986. — 296 s.
10. *Guzevich D.Yu., Guzevich I.D.* Velikoe posol`stvo: rubezh e`pox, ili Nachalo puti, 1697–1698. SPb., 2008. — 693 s.
11. *Guzevich D.Yu.* Ital`janskije mastera i pervy`j massovy`j najm specialistov v petrovskuyu e`poxu, 1696–1699 g. // Vestnik istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2012. № 4. S. 108-131.
12. *Gus`kov A.G.* Velikoe posol`stvo Petra I. Istochnikovedcheskoe issledovanie. M., 2005. — 396 s.
13. *Gus`kov A.G., Kochegarov K.A., Shamin S.M.* Russko-tureczkaya vojna 1686–1700 // Rossijskaya istoriya. 2020. № 6. S. 30–49.
14. Dvorczovy`e razryady`. T. IV. SPb.: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1855. — 1158 st.
15. *Degoiev V.V.* Vneshnyaya politika Petra I. T. 1: Russkoe Velikoe posol`stvo (1697–1698 gg.) M., 2019. — 616 s.

16. *Elagin S.I.* Istoriya russkogo flota. Period Azovskij. Prilozheniya. Ch. 1. SPb., 1864. — 515 s.
17. *Zaruba V.N.* Ukrainskoe kazaczkoje vojsko v bor`be s tureczko-tatarskoj agressiej (poslednyaya chetvert` XVII v.). Xar`kov: Osnova, 1993. — 168 s.
18. *Kalinin V.A.* Pamyatny`e medali vremeni Velikogo posol`stva 1697–1698 godov // Trudy` GE`. Materialy` i issledovaniya Otdela numizmatiki: pamyati A.A. Markovoj (1895–1975). SPb., 2009. S. 150–158.
19. *Kurbatov O.A.* Voenny`e reformy` v Rossii vtoroj poloviny` XVII v. Konnicza. M., 2017. — 301 s.
20. *Kurbatov O.A.* Organizaciya i boevy`e kachestva russkoj pexoty` «novogo stroya» nakanune i v xode russko-shvedskoj vojny` 1656–1658 gg. // Arxiv russkoj istorii. Vy`p. 8. M., S. 175–197.
21. *Kurbatov O.A.* Oчерk istorii konny`x polkov «novogo stroya» russkoj armii ot nachala ix sushhestvovaniya do okonchaniya russko-shvedskoj vojny` 1656–1658 gg. // Edinorog. Vy`p. 3. M., 2014. S. 90–136.
22. *Kurbatov O.A.* Rol` sluzhily`x «nemcev» v reorganizacii russkoj konnicy v seredine XVII v. // Inozemcy v Rossii v XV–XVII v. Sbornik materialov konferencij 2002–2004 gg. M., 2006. S. 18–34.
23. *Malov A.V.* Moskovskie vy`borny`e polki soldatskogo stroya v nachal`ny`j period svoej istorii. 1656–1671. M., 2006. — 622 s.
24. *Pavlenko N.I.* Petr Velikij. M., 1994. — 591 s.
25. Pamyatniki diplomatičeskix snoshenij drevnej Rossii s derzhavami inostranny`mi (dalee — PDS). T. VII. SPb.: II-e otdelenie Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii. 1864. — 1514 st.; PDS. T. VIII. SPb., 1867. — 1416 st.
26. *Petrukhintsev N.N.* Dva flota Petra I: texnologičeskie vozmožnosti Rossii // Voprosy` istorii. 2003. № 4. S. 117–128.
27. *Petrukhintsev N.N.* Vostochny`j vektor petrovskix preobrazovanij i predposylki reformy` voenny`x struktur Rossii // Petr I i Vostok. Materialy` XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. 1–2 iyunya 2018 g. SPb., 2019. S. 131–154.
28. *Petrukhintsev N.N., Nikitina A.A.* Poslednij natisk na step` v XVII stoletii: voennaya kampaniya 1698 g. kak final «petrovskoj vojny`» s Turciej // Istoriya: Fakty` i simvoly`. 2020. № 4. 2020. S. 90–98.
29. Pis`ma i bumagi Petra Velikogo (dalee — PBPV). T. 1. SPb., 1887. — 888 s.
30. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. Tom III. 1689–1699 gg. SPb., Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. 1830. — 694 s. (dalee — PSZ)

31. *Ruban V.G.* Poxod boyarina i bol'shogo polku voevody` Alekseya Semenovicha Sheina k Azovu, vzyatie sego i Lyutina goroda i torzhestvennoe ottudy` s pobedonosny`m voinstvom vozvrashhenie v Moskvu, s podrobny`m opisaniem vsekh voenny`x i torzhestvenny`x proisshествij i s imyanny`m spiskom by`vshix pri tom suxoputny`x i morskix, velikorossijskix i malorossijskix vy`shshix i nizhnix voenachal`nikov chisle vsekh vojsk i uchinenny`m ony`m nagrad. SPb., 1773. — 226 s.
32. *Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obsbhestva* (dalee — Sb. RIO). T. 20. SPb., 1877. — 601 s.
33. *Solov`ev S.M.* Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. Kn. VII. M., 1988. — 701 s.
34. *Ustryalov N.G.* Istoriya czarstvovaniya Petra Velikogo. T. II. SPb. Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kancelyarii. 1858. — 582 s.
35. *Ustryalov N.G.* Istoriya czarstvovaniya Petra Velikogo. T. III. SPb. Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kancelyarii. 1858. — 652 s.
36. *Fejgina S.A.* Azovskie poxody` i vneshnyaya politika 1695–1699 gg. // Ocherki istorii SSSR. Period feodalizma. Rossiya v pervoj chetverti XVIII v. T. 7. M., 1954. S. 435–458.
37. *Shafirov P.P.* Rassuzhdenie, kakie zakonny`e prichiny` Petr I, czar` i povelitel` vserossijskij, k nachatiyu vojny` protiv Karla XII, korolya shvedskogo, v 1700 g. imel. M., 2008. — 202 s.
38. *Shmurlo E.F.* O voennom flote Petra I. Istoricheskij arxiv. 1996. № 4. S. 4–7.
39. *Shbukina E.S.* O sozdanii medali v pamyat` vzyatiya Azova raboty` Ya. Boskama // Kul`tura i iskusstvo Petrovskogo vremeni. L., 1977. S. 159–162.
40. *Anderson M.S.* Britain's Discovery of Russia. 1553–1815. Macmillan. L., 1958. — 245 r.
41. *Davies Brian L.* Warfare, state and society on the Black Sea steppe, 1500–1700. London; New York, 2007. — 272 r.
42. *Edward Hawkins.* Medallie Illustrations of the History of Great Britain and Irelsand to the Death of George II. Vol. 2. London, 1885. — 833 r.
43. *Hennings Jan.* The Semiotics of Diplomatic Dialogue: Pomp and Sircumstance in Tsar Peter I's Visit to Vienna in 1698 // The International History Rewiew. Vol. XXX. № 3. September 2008. P. 515–544.
44. *Petrukhintsev N.N.* The Baltic Strategy of Peter the Great // Russland an der Ostsee. Imperiale Strategien der Macht und kulturelle Wahrnehmungsmuster (16 bis 20. Jahrhundert) / Quellen und Studien

zur Baltischen Geschichte. Band 22 / Böhlau Verlag. Wien — Köln-Weimar. 2012. S. 169–189.

45. *Stevens Carol Belkin*. Soldiers on the Steppe. Northern Illinois University Press. DeKalb. 1995. — 240 r.
46. *Stevens Carol Belkin*. Russia's wars of emergence, 1460–1730. Harlow, 2007. — 329 r.
47. *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit: Bd. 1–2. Göttingen, 1964. Bd. 1. — 490 s.

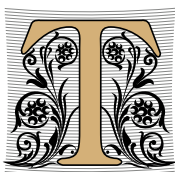

Ключевые слова:

Русско-турецкая война 1686–1700 гг.; Великое посольство Петра I; внешнеполитический кризис 1698 г.; русско-голландские и русско-австрийские отношения в XVIII в.

Nikolay N. Petruhintsev

THE GRAND EMBASSY OF PETER THE GREAT AS PART OF THE «EASTERN PROJECT» AND FOREIGN POLICY CRISIS OF 1698

The Grand Embassy of 1697–1698 is highlighted as a part of the «Eastern Project» of Peter the Great — a complex system of interconnected events, created to ensure continuation of the Great Turkish War (1686–1700).

It definitely wasn't a tourist journey to get a thorough view of Europe. On the contrary main goals and aims of the Grand Embassy were determined by the second phase of the «Eastern Project». Major strategic changes were made with an attempt to shift operational warfare to the sea, which required prompt construction of the war fleet.

The new strategy of Peter the Great, fully dependent on the results of the navy operation planned on summer 1699, met its failure in 1698, due to dramatic change in European foreign policy, which can be characterized in regards to Russia and the Tsar as the «Foreign Policy Crisis of 1698». Along with other factors the crisis mentioned above caused the Tsar's deep disappointment in Europe and switch to a more realistic foreign policy strategies.

Key words: Русско-турецкая война 1686–1700 гг., The Grand Embassy of Peter the Great, Foreign Policy Crisis of 1698, 18th century foreign relations with Austria and Holland.

Nokolay N. Petrukhintsev — D.Sc. (History), Chairman Professor at the Humanitarian and Natural-Science Studies Department of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk' Branch).

 Петрухинцев Николай Николаевич

доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС), Липецкий филиал